

[ТОМ СТОПШАРД]

изобретение
любви

Том Стоппард

Изобретение любви

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155868

Том Стоппард «Изобретение любви»: Издательский Дом «Азбука-классика»; Санкт-Петербург; 2007

Аннотация

Творчество англичанина Тома Стоппарда – создателя знаменитых пьес «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Настоящий инспектор Хаунд», «Травести», «Аркадия», а также сценариев фильмов «Ватель», «Влюбленный Шекспир», «Бразилия», «Империя Солнца» и многих-многих других – едва ли нуждается в дополнительном представлении. Искусный мастер парадоксов, великолепный интерпретатор классики, интеллектуальный виртуоз, способный и склонный пародировать и травестировать реальность, Стоппард приобрел мировую известность и признан одним из значительных и интереснейших авторов современности.

В настоящем издании вниманию читателей впервые предлагаются на русском языке пьесы «Индийская тушь» и «Изобретение любви», написанные с присущим стилю Стоппарда блеском, изящностью и высокой интеллектуальной заряженностью.

Содержание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:	4
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	6
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	78
Послесловие	151

Том Стоппард

Изобретение любви

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АЭХ, А.Э. Хаусмен, 77 лет.

Хаусмен, А.Э. Хаусмен, от 18 до 26 лет.

Альфред Уильям Поллард, от 18 до 26 лет.

Мозес Джон Джексон, от 19 до 27 лет.

Харон, перевозчик в Аиде.

В действии первом:

Марк Паттисон, ректор Линкольн-колледжа, 64 года, ученый-классик.

Уолтер Пейтер, критик, эссеист, ученый, сотрудник Брейсноуза, 38 лет.

Джон Рёскин, выдающийся искусствовед и критик, 58 лет.

Бенджамин Джоуитт, Мастер Баллиоля, 60 лет.

Робинсон Эллис, латинист, 45 лет.

А также: Вице-канцлер Оксфордского университета и Баллиольский Студент.

В действии втором:

Кэтрин Хаусмен, сестра АЭХ, 19 и 35 лет.

Генри Лябушер, член парламента от либералов и журналист, 54 и 64 лет.

Фрэнк Гарри с, писатель и журналист, 29 и около 40 лет.

У. Т. Стэд, редактор и журналист, 36 и 46 лет.

Чемберлен, клерк, около 20 и 30 лет.

Джон Персиваль Постгейт, латинист, около 40 лет.

Джером К.Джером, писатель-юморист и редактор, 38 лет.

Оскар Уайльд, 41 год.

А также: Банторн, персонаж из оперетты Гилберта и Салливана «Пэйшенс», Председатель и члены отборочной комиссии.

Роли персонажей, занятых лишь в первом или, соответственно, лишь во втором действии, может исполнять одна группа актеров.

Сценические указания относительно реки, лодок, сада и пр. не следует принимать буквально.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Семидесятилетний и более не стареющий АЭХ стоит в застегнутом на все пуговицы темном костюме и аккуратных черных ботинках на берегу Стикса, наблюдая за приближением перевозчика, Харона.

АЭХ. Стало быть, я умер. Хорошо. А это пресловутый стигийский мрак.

Харон. Эй, на берегу! Принять конец!

АЭХ. «Принять конец!» Вот он – язык людей и ангелов! ¹

Харон. Осторожнее с креплением. Я надеюсь, сэр, скорбящие друзья и домочадцы устроили вам достойные похороны.

АЭХ. Кремацию – впрочем, весьма достойную. Отслужили в Тринити-колледже и упокоили прах, как и ожидалось, в графстве Шропшир ², где мне не случилось ни останавливаться, ни тем более проживать.

Харон. Мир праху, покуда волки с медведями вас не откопали.

АЭХ. Этих бояться нечего. Шакалы – другое дело. Люди любят поговорить о том, что будет после их кончины. Утешение в смерти не такое окончательное, как ожидаешь. Ну

---

¹ Язык людей и ангелов – см. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий» (1 Кор. 13: 1).

² Шропшир – графство на западе Англии, граничащее с Уэльсом.

вот, конец принят. В первом семестре в Оксфорде я слушал лекции Рёскина³. Он принял конец безумным, как вы могли заметить.

Мы кого-то ждем?

Харон. Он опаздывает. Надеюсь, с ним ничего не случилось. Как вас зовут, сэр?

АЭХ. Мое имя – Альфред Хаусмен. Друзья зовут меня Хаусмен. Враги зовут меня профессор Хаусмен. Теперь вы, вероятно, спросите с меня монету. К сожалению, обычай помещать монету в рот усопшего⁴ чужд Эвелинской лечебнице и даже, пожалуй, запрещен их правилами. (*Смотрит вдаль.*) Непростительно задерживается. Вы уверены, что...

Харон. Поэт и ученый, так мне передали.

---

³ Джон Рёскин (John Ruskin, 1819 – 1900) – выдающийся английский литератор, критик, философ, искусствовед, общественный деятель. Один из ведущих интеллектуалов Викторианской эпохи, идеолог христианского социализма. Автор более 50 монографий по этике, нравственной философии, истории искусства. Окончил классическое отделение Оксфордского университета в 1842 г. В 1848 г. Рёскин женился, но через шесть лет его брак распался. В 1869 г. Рёскин возглавил кафедру истории искусств в Оксфорде. С 1870 г. периодически страдал от психических расстройств. Основные труды: *Modern Painters* (1843 – 1857), *The Seven Lamps of Architecture* (1849), *Stones of Venice* (1851), *Unto This Last* (1860), *Essays on Political Economy* (1862), *Time and Tide* (1867), незаконченная автобиография *Praeterita* (1885 – 1889).

⁴ ...обычай помещать монету в рот усопшего... – В древнегреческой мифологии Харон перевозил души умерших через реку Стикс в подземное царство Аида при условии, что усопшие прошли обряд похорон и могут заплатить за переправу. Традиционно обол (мелкую монету) вкладывали в рот покойнику. Души, отвергнутые Хароном, ожидали следующей переправы на берегу Стикса в течение ста лет (см. ниже, *Ripae ulterioris amore*).

АЭХ. Это, я думаю, про меня.

Харон. Вы за обоих?

АЭХ. Боюсь, что так.

Харон. Описание как будто на двоих.

АЭХ. Я знаю.

Харон. Дадим ему еще минуту.

АЭХ. Чтобы прийти в себя? Смотрите-ка, я нашел шестипенсовик. Чеканки тысяча девятьсот тридцать шестого года Anno Domini.

Харон. Вы знаете латынь?

АЭХ. Да, пожалуй что знаю. Последние двадцать пять лет я преподаю... преподавал латынь в Кембридже, возглавил кафедру вслед за Бенджамином Холлом Кеннеди. Кеннеди здесь? Я был бы рад с ним увидеться.

Харон. Все здесь, а прочие – будут. Садитесь посередине.

АЭХ. Да-да. Не думаю, впрочем, что у меня найдется время увидеться со всеми.

Харон. Найдется, хотя начинают обыкновенно не с Бенджамина Холла Кеннеди ⁵.

АЭХ. Я и не думал с него начинать. При нем практика стихотворного перевода на латынь и греческий приобрела вес, которого не заслуживала – по крайней мере, в качестве инструмента для изучения античной метрики. Логично пред-

---

⁵ Бенджамин Холл Кеннеди (Benjamin Hall Kennedy, 1804 – 1889) – профессор латыни в Кембридже, автор учебников по латинской грамматике и переводов английской поэзии на латинский язык.

положить, что метрические законы невозможно обнаружить в собственных стихах, где ты эти, еще не открытые, законы то и дело нарушаешь ⁶. Кеннеди был школьным учителем, пусть гением, но все же школьным учителем. В приступе сентиментальности Кембридж дал кафедре его имя. По мне, с него хватило бы памятной чернильницы. Однако именно Кеннеди или, точнее, третье издание его *Sabrinae Corolla* ⁷ мне, семнадцатилетнему, вручили в школе, и ему-то я обязан любовью к греческому и латыни. В греческом я дилетант, не лучше прочих профессоров. Ну, конечно, гораздо лучше Пирсона ⁸, который знал больше Джоуитта ⁹ и Джеб-

---

⁶ Цитата из инаугурационной лекции Хаусмена (1911) по случаю избрания профессором латинского языка в Кембриджском университете: *The Confines of Criticism: The Cambridge Inaugural, 1911* (1969).

⁷ *Sabrinae Corolla* – собрание переводов английских, немецких, итальянских и греческих стихотворений на латинский и древнегреческий языки (1850), составитель и редактор Бенджамин Х. Кеннеди. Оригинальные тексты печатались параллельно с переводами Кеннеди, Кларка, Мунро и др. Сборник назван по имени реки Север в Англии.

⁸ Альфред Пирсон (Alfred Chilton Pearson, 1861 – 1935) – профессор древнегреческого языка в Оксфорде. Издатель Эсхила (1910), Софокла (1924).

⁹ Бенджамин Джоуитт (Benjamin Jowett, 1817 – 1893) – профессор древнегреческого языка в Оксфорде. Переводчик Фукидида, Платона и Аристотеля. Выпускник колледжа Баллиоль (1838). В 1842 г. получил место преподавателя в том же колледже. В 1845 посвящен в сан англиканского священника. В 1855 г. опубликовал сборник *Послания Св. Павла*; за эссе об искуплении подвергся обвинениям в ереси и находился под угрозой отлучения от церкви. В 1870 г. избран Мастером (президентом) колледжа Баллиоль в Оксфорде. В 1882 г. избран вице-канцлером Оксфорда. Инициировал образовательные и административные реформы в Оксфордском университете.

ба ¹⁰, вместе взятых. В бытность мою в Оксфорде профессор греческого Джоуитт горел неуместным пылом по части классического образования. В его редакции оно сводилось к тому, чтобы поставлять в правящие классы Англии людей, читавших Платона, – выпускников Баллиоля ¹¹ или, на худой конец, рядовых оксфордцев, когда в баллиольцах случалась нехватка. В первую неделю учебы, в октябре тысяча восемьсот семьдесят седьмого, я услышал, как Джоуитт произносит *akribos* ¹² с ударением на первом слоге, и подумал: «Ну и ну! Вот тебе и Джоуитт!» С Джеббом проходили Софокла. В его Софокле есть такие места, будто размеры подсчитывала Лондонская газовая компания.

Харон. Вы не могли бы немного помолчать?

АЭХ. Да, полагаю, что могу. Моя жизнь отмечена долгими молчаниями.

Харон отвязывает снасть и отталкивается шестом.

С кого обычно начинают?

Харон. С Елены Прекрасной. Когда мы переплывем, вы увидите трехглавого пса. Не обращайтесь на него внимания, и он вас не заметит.

Голоса за сценой, таяканье собаки, плеск весел.

---

¹⁰ Сэр Ричард Джебб (Sir Richard Claverhouse Jebb, 1841 – 1905) – профессор древнегреческого языка в Университете Глазго, затем в Кембридже. Издатель семитомного собрания Софокла (1883 – 1896).

¹¹ Баллиоль – один из старейших колледжей Оксфорда, основан в 1263 г.

¹² Тщательно (*др.-греч.*), ударение в слове падает на последний слог. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.

Хаусмен... Истинно, мы были оставлены в пустыне собирать с терновника виноград и с репейника смоквы! ¹³

Поллард ¹⁴. Держи правее, Джексон ¹⁵.

Джексон. Хочешь взять весла?

Поллард. Нет, у тебя прекрасно получается.

Вплывают трое в лодке с лающей собакой. Хаусмен на

---

¹³ См. «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?» (Мат. 7: 15 – 16).

¹⁴ Альфред Уильям Поллард (Alfred William Pollard, 1859 – 1944) – ученый-классик, историк, библиограф. Друг А. Э. Хаусмена и Мозеса Джексона. В Оксфорде – сосед и соученик Хаусмена на классическом отделении колледжа Сент-Джон. Вместе с Хаусменом издавал и редактировал студенческую газету *Ye Round Table*. В 1881 г. окончил курс с высшим баллом. С 1883 г. – сотрудник, затем глава отдела печатных изданий в библиотеке Британского музея. Специалист по истории эпохи Тюдоров. С 1919 по 1932 г. – почетный профессор библиографии в Лондонском университетском колледже. Составитель сборника *Оды греческих драматургов* (1890), куда вошло несколько переводов Хаусмена. Поллард способствовал изданию первой книги стихотворений Хаусмена в 1895 – 1896.

¹⁵ Мозес Джексон (Moses Jackson, 1858 – 1922) – физик, преподаватель точных наук. Друг Хаусмена и предмет его любви. Учился в Оксфорде одновременно с Хаусменом и Поллардом на естественнонаучном отделении. В 1882 г. получил место старшего эксперта в лондонском Бюро патентов. В 1883 г. получил степень доктора в Лондонском университетском колледже. В 1883 – 1885 гг. снимал в Лондоне квартиру совместно с Хаусменом. В 1887 г. переехал в Индию, где стал директором колледжа в Карачи. Состоял с Хаусменом в многолетней переписке. В 1889 г. Джексон ненадолго возвращается в Англию, где женится на Розе Чамберс. В 1898 г. он получает место преподавателя колледжа в Ванкувере, Канада, и его приезды в Англию и встречи с Хаусменом становятся редкими и краткими. Хотя регулярная переписка продолжалась вплоть до смерти Джексона, его письма Хаусмену не сохранились.

носу (держит собаку), Джексон гребет, Поллард на корме. За собаку – реалистичное собачье чучело или игрушка.

Джексон. Хаус бездельничает с самого Иффли ¹⁶.

АЭХ. Мо!

Хаусмен. Какая наглость! А кто вас вывел из Аида, не считая собаки?

Поллард. Это собака с тобой не считается. Собака любит Джексона.

Хаусмен. Собаку любит Джексон.

Поллард. Нефлективный собак нефлективный Джексон любить, в этом вся прелесть.

Хорошая собака!

Хаусмен. Нефлективная собака не может быть хорошей, у собак нет души.

Джексон. Что он сказал?

Поллард. Говорит, у твоей собаки нет души.

Джексон. Каков нахал!

Поллард. Все это лишний раз показывает, что ты ни аза не смыслишь в собаках вообще и тем более в Джексоновой собаке, чьей душе уже предначертаны елисейские поля, где ее нетерпеливо ожидают друзья, не покойные, но упокоенные.

---

¹⁶ Иффли – город в графстве Оксфорд. С. 133. Флективный, иначе синтетический – язык, в котором грамматические отношения в предложении передаются при помощи окончаний слов. Во флективных языках порядок слов в предложении более свободный, чем в нефлективных, или аналитических. Хаусмен и Поллард перестраивают синтаксис английского, т. е. аналитического, предложения по латинскому, флективному, образцу.

АЭХ. Не усопшие, но уснувшие.

Трое, переругиваясь, улываются: «Держи правее!»...
«Кто-нибудь проголодался?»

Харон. Что такое?! Со своей лодкой! До чего дошло!

АЭХ. Стоило лишь руку протянуть – *ripaeulteriorisamove!*
¹⁷ (Кричит.) Мо! Мо! Я бы умер за тебя, но счастье меня обошло!

Харон. Вы о собаке?

АЭХ. Я о своем ближайшем друге и товарище Мозесе Джексоне. *Nec Lethea valet Theseus abrumpere cam vincula Pirithoo*¹⁸.

Харон. Верно, я помню его – Тезея. Как он рвал цепи своего друга, хотел забрать с собой из Преисподней. Но тут ничего не попишешь, сэр. Ничего не попишешь.

Харон правит в туман.

---

¹⁷ Томясь по другому берегу (*лат.*). См. «Все умоляли, чтоб их переправил первыми старец, / Руки тянули, стремясь оказаться скорей за рекою» (*Публий Вергилий Марон. Энеида, VI, 313 – 314. Пер. С. Ошерова под ред. С. Петровского / Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худ. лит., 1979. С. 249).*

¹⁸ Тезей не может сорвать летейских уз с любимого Пирифоя (*лат.*). См. «И не способен Тезей сокрушить оковы, в которых / Страждет давно Пирифой» (*Квинт Гораций Флакк. Оды, IV, 7. Пер. А. Семенова-Тян-Шанского / Оды, эподы, сатиры, послания. М.: Худ. лит., 1970. С. 192).* *Pirithoo* (Пирифой) – сын Иксиона, царь ла-пифов, друг Тезея. Пирифой и Тезей спустились в подземное царство, чтобы похитить Персефону, но были схвачены и закованы в цепи. Тезей был освобожден Гераклом, Пирифой остался в царстве мертвых.

Свет на Вице-канцлера ¹⁹ в торжественном одеянии.

Его голос отдается эхом. Или иначе – на сцене только его голос.

Вице-канцлер. Альфредус Эдуардус Хаусмен.

Восемнадцатилетний Хаусмен выходит вперед, получает от него устав.

Альфредус Гильельмус Поллард... Мозес Йоганнус Джексон...

Свет на Полларда, восемнадцати лет, и Джексона, девятнадцати. Оба с уставами в руках.

Джексон. Что такое *trochum*?

Поллард. «Обруч» ²⁰, в аккумулятиве. ²¹

Джексон. «*Nequevolvere...*» ²²

Поллард. Да, устав запрещает нам катать обруч. Я – Поллард. Кажется, мы с вами разобрали обе открытые стипендии ²³ в этом году. Примите мои поздравления.

---

¹⁹ Вице-канцлер – с XVI в. высшая административная должность в Оксфордском университете. Избирается на четыре года из числа президентов колледжей

²⁰ Обруч. – Процедура официального зачисления (матрикуляции) в студенты Оксфордского университета описана восемнадцатилетним Хаусменом в письме мачехе (1877). Запрет на игру с обручем иронически упоминается им как часть университетского устава наряду с предписанием носить плащ лишь черного цвета и запретом на пользование огнестрельным оружием.

²¹ Аккумулятив – один из латинских падежей, соответствует винительному в русском.

²² Не катать (*лат.*).

²³ Стипендии. – В 1877 г. Хаусмен и Поллард стали стипендиатами классического отделения колледжа Сент-Джон. Джексон получил стипендию Холмса на

Джексон. Очень приятно, поздравляю и вас.

Поллард. Что вы заканчивали?

Джексон. Академию Уэйл. Это в Рамсгейте. Собственно, мой отец там директор. Но я пришел не из школы, два года отучился в Лондонском университетском колледже. Занимался там греблей. А вы?

Поллард. Королевский колледж.

Джексон. Вы там в регби играете?

Поллард. Да. Я – заочно.

Джексон. Я предпочитаю регби футболу. Любопытно, в колледже сильная команда? Я не считаю себя серьезным крикетистом, хотя при случае могу ударить как надо. В весеннем семестре налягу на легкую атлетику.

Поллард. Ага. Что угодно, лишь бы не катать обруч.

Джексон. Нет, я прежде всего бегун. Четверть мили и полмили – мои лучшие дистанции.

Поллард. Вы, стало быть, спортом увлекаетесь?

Джексон. В Оксфорде, конечно, придется потрудиться, но – как сказал поэт – работа не волк...

Поллард (*одновременно*). *Orandum est ut sit mens sana in corpore sano.*²⁴

Джексон... в лес не убежит.

естественнонаучное отделение того же колледжа.

²⁴ Следует молиться, чтобы здоровый дух был в здоровом теле (*лат.*). См. «Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом. / Бодрого духа проси, что не знает страха пред смертью» (*Децим Юний Ювенал. Сатиры, X. Пер. Ф. А. Петровского / Сатиры. Л.: Академия, 1937. С. 256 – 257*).

Поллард. Не знал, что университетским людям дают стипендию на классику.

Джексон. Классика? Нет, это не про меня. У меня стипендия от естественников.

Поллард (*счастливо*). А... *естественники!* Прошу прощения! Очень приятно!

Джексон. Я – Джексон.

Поллард. Поллард. Мои поздравления. Это все объясняет.

Джексон. Что?

Поллард. Не знаю. Да, *trochuseсть* в Овидии или где-то в Горации, в «Сатирах».

Подходит Хаусмен.

Хаусмен. В «Одах». Извините. «Оды», книга третья, 24, *ludere doctior seu Graeco iubeas tro-cho*²⁵ – это там, где он говорит, что все пошло коту под хвост.

Поллард. Верно! Высокородный юноша не может удержаться в седле и страшится охотиться, ему бы все играть с греческим обручем.

Хаусмен. В общем-то, «*trochos*» – греческое слово. Это на греческом и есть «обруч», так что когда Гораций говорит «*Graecus trochus*» – это все равно что сказать «французская *chapeau*²⁶». Тут он, пожалуй, хватил.

---

²⁵ Он ловчей в игре, какой прикажешь, с обручем ли греческим... (*лат.*) См. «На коня вряд ли сумеет сесть / Знатный отрок, охотою / Тяготится, зато с большею ловкостью // Обруч гнать тебе греческий / Будет он иль играть в кости запретные» (*Гораций*. Оды, III, 24. Пер. Г. Церетели / Указ. соч. С. 166).

²⁶ Шляпа (*фр.*).

Джексон. Почему? Как?

Хаусмен. Когда римлянин называл что-то «греческим», очень часто он подразумевал изнеженность, даже женоподобие. Вообще обруч, *trochos*, был излюбленным подарком греческого мужчины мальчику, с которым... ну, вы понимаете, избранному мальчику.

Джексон. Вы имеете в виду – сожителю?

Поллард. Кстати, это мистер Джексон.

Хаусмен. Очень приятно.

Джексон. Я, знаете, тоже новичок. Вы не видели здесь доску, где записываются? Я собираюсь попасть в Торпидс ²⁷ в следующем семестре. Увидимся на речке.

Поллард (*перебивая*). На обеде.

Джексон удаляется.

Естественник.

Хаусмен. А на вид вполне приличный.

Поллард. Я – Поллард.

Хаусмен. Хаусмен. Мы с вами будем жить на одной площадке.

Поллард. О, чудно. Где вы заканчивали?

Хаусмен. Бромсгроувская школа. Это... гм... в Бромсгроуве. Такой город в Вустершире.

Поллард. Я учился в Королевском колледже, это в Лондоне.

Хаусмен. Лондон... знаю, бывал. Ходил в Альберт-Холл

---

²⁷ Торпидс – зимние соревнования по гребле в Оксфордском университете.

²⁸ и в Британский музей. Но лучше всего – смена караула. Кстати, вы правы насчет Овидия. *Trochus* есть в *Ars. Am.* ²⁹

Оксфордский сад, река, садовая скамейка. Вкатывается невидимый крокетный шар, за ним следует Паттисон ³⁰ *с крокетным молотком.*

Паттисон. Мои юные друзья, я с сожалением извещаю вас, что если вы прибыли в Оксфорд в расчете обзавестись знаниями, вам лучше сейчас же от этой идеи отказаться. Мы вас купили и теперь погоним в двух забегах ³¹, подготовительном и выпускном.

Поллард. Да, сэр.

---

²⁸ Альберт-Холл – Лондонский королевский зал искусств и наук, открыт в 1868 г.

²⁹ *Ars. Am.* – *Ars Amatoria*, иначе *Ars Amandi*, поэма Овидия «Искусство любви».

³⁰ Марк Паттисон (Mark Pattison, 1813 – 1884) – ученый-классик. Окончил оксфордский колледж Ори-ел в 1832 г. В 1839 г. избран преподавателем в оксфордский Линкольн-колледж. В 1851 г. не прошел на должность ректора Линкольн-колледжа, однако был избран на этот пост десятью годами позже. Паттисон был глубоко заинтересован в университетских реформах, однако не проявлял административной активности и в 1878 г. отказался от университетского поста вице-канцлера.

³¹ Два забега. – Студенты классического отделения Оксфордского университета проходили четырехлетний курс обучения *Literae Humaniores*. Он разделялся на два двухлетних отрезка: начальный (Classical Honour Moderations, или Mods) и выпускной (Greats). В конце каждого отрезка проводились экзамены. Круг дисциплин включал античную историю, логику, нравственную и политическую философию, а также тексты Платона, Аристотеля, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Плутарха, Цицерона, Саллюстия и Тацита. О системе оценок см. ниже, Высший балл.

Паттисон. Учебный курс выстроен так, чтобы все знание умещалось между обложками четырех латинских и четырех греческих книг. Набор из четырех книг сменяется ежегодно.

Хаусмен. Благодарю вас, сэр.

Паттисон. Истинная любовь к учению – одно из двух преступлений, которые вызывают слепоту и приводят юношество к краху.

Поллард /Хаусмен (*уходя*). Да, сэр, спасибо, сэр.

Паттисон. Безднадежны.

*Паттисон выбивает шар за сцену и следует за ним. Входит Пейтер*³² *в сопровождении Баллиольского Студента. Студент пригож и галантен. Пейтер малоросл и непривлекателен, денди: цилиндр, желтые перчатки, голубой галстук.*

Пейтер. Благодарю вас за присланный сонет, милый мальчик. И конечно, за вашу фотографию. Но отчего вы всегда пишете поэзию? Почему не пишете прозу? Проза настолько сложнее.

---

³² Уолтер Пейтер (Walter Horatio Pater, 1839 – 1894) – видный английский критик, эссеист, ученый-классик. Автор доктрины «искусства ради искусства», послужившей основой движения эстетизма. Выпускник оксфордского Кингс-колледжа, в 1864 г. он стал преподавателем классических языков в оксфордском колледже Брейсноуз. Благодаря сборнику «Исследования по истории Ренессанса» (1873) и последующим работам по искусствоведению Пейтер приобрел известность в качестве выдающегося критика поздневикторианского периода. Основные труды: *Studies in the History of the Renaissance* (1873), *Appreciations, With an Essay on Style* (1889), *Plato and Plato -nism* (1893), *Greek Studies* (1895, опубл. посмертно), *Miscellaneous Studies* (1895, опубл. посмертно).

Студент. Никто не создал поэзии, которую хочу создать я, мистер Пейтер, а проза уже создана вами.

Пейтер. Очаровательно сказано. Когда вернусь домой, я пристальнее взгляну на вашу фотографию.

Уходят. Входят Рёскин и Джоуитт, играют в крокет.

Рёскин. Мне было семнадцать, когда я приехал в Оксфорд. Это было в тысяча восемьсот тридцать шестом, и слово «эстет» еще не вошло в обиход. Эстетизм ³³ едва прибыл из Германии и не диктовал своим адептам нарядов, как у Лондонской пожарной команды. Его еще не связывали с преувеличенным преклонением перед физической мужской красотой, которое содействовало падению Греции. До шестидесятых годов нравственное вырождение еще не пряталось под пагубной сенью поэтической вольности и не объявляло себя эстетикой. В прошлом все противоестественное обыкновенно оставалось в пределах школ, как, например, футбол...

Джоуитт. В школе, увы, меня считали очень красивым мальчиком. У меня были золотые кудри. Мальчики дразнили меня «мисс Джоуитт». Как меня ужасал этот дьявольский

---

³³ Эстетизм – философско-художественное течение, в Англии зародилось в начале 1850-х и достигло расцвета в 1870 – 1880-х гг. Эстеты проповедовали «искусство ради искусства»: в их идеологии искусство призвано создавать прекрасное вне моральных или идеологических задач. Яркими фигурами этого движения стали художники-прерафаэлиты, писатели Пейтер, Уайльд, Саймоне и Суинберн. С критикой эстетизма как мировоззрения, оторванного от морали, выступал, в частности, Джон Рёскин, оксфордский коллега Пейтера.

ритуал! – эта пытка! – это унижение! Мое тело ныло от истязаний, я сбегал, как только мяч оказывался рядом со мной... (Уходя.) Сейчас никто, думаю, не назовет меня мисс Джоуитт или хозяйкой Баллиоля.

Хаусмен, Поллард и Джексон вливаются в лодке, Джексон на веслах.

Хаусмен. Неверные долготы окрест себя я зрю³⁴, истинно, мы были оставлены в пустыне собирать с терновника виноград и с репейника смоквы.

Поллард. Вот, наверное, почему колледж назвали в честь Иоанна Крестителя.³⁵

Джексон. Собственно, Иоанн Креститель – это акриды и дикий мед, Поллард.

---

³⁴ Неверные долготы окрест себя я зрю... – вариация на классический англиканский гимн Генри Лайта «Пребудь со мною» (*Abide with me*, или *Eventide*, 1847). Хаусмен перефразирует строку гимна – «Перемены и разрушения окрест себя я зрю» (*Change and decay in all around I see*). Хаусмен имеет в виду ошибки в сочиняемых его современниками латинских квантитативно-метрических стихах, где размер строки задается чередованием долгих и кратких слогов.

³⁵ Колледж Сент-Джон, в котором занимались Хаусмен и Поллард, назван именем Иоанна Крестителя. Далее в сцене – аллюзии на Евангелие от Матфея, в частности упоминание акрид (саранчи) и дикого меда в качестве пищи: «В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской, и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное. Ибо он тот, о котором сказал пророк Исая: „глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему“. Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а пищею его были акриды и дикий мед» (Мат. 3: 1 – 4), а также на Ев. от Марка: «И она тотчас пошла с поспешностью к царю и просила, говоря: хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя» (Мар. 6: 25).

Поллард. Суровые уроки задают в колледже Крестителя. Сперва пустыня, а потом голова на блюде.

Хаусмен. С того самого дня, как нас зачислили, стало ясно, что чего-то здесь недостает. Устав предостерегает нас от возлияний, карт и катания обруча, но в нем ни слова о джоуиттовском переводе Платона. Regius Professor ³⁶ не способен произносить греческие слова, и во всем Оксфорде некому его поправить.

Поллард. Кроме тебя, Хаусмен.

Хаусмен. Я заберу его тайну с собой в могилу, только расскажу всем встречным. Предательство не грех, если совершать его в шутку.

Джексон. Нас учили этому новому произношению. Я, как нормальный англичанин, никогда не мог это выговорить. *Veni, vidi, vici...* ³⁷У меня эта ерунда в голове не умещается.

Латинское произношение: «уэни, уйди, уики».

Поллард. Это, собственно, латынь, Джексон.

Джексон. А богиня любви – Уэнус. С ума сойти!

Поллард. Может быть, я неясно выразился. Латинский и

---

³⁶ Regius Professor – глава кафедры, учрежденной одним из британских монархов.

³⁷ *Veni, vidi, vici* – пришел, увидел, победил (*лат.*). По словам Плутарха, этой фразой Цезарь сообщил в письме другу о победе при Зеле («Сравнительные жизнеописания. Юлий Цезарь», L). В начале XX в. Оксфорд и Кембридж ввели правила «нового произношения» в попытке освободиться от фонетического влияния средневековой латыни. Таким образом *via*, традиционно произносимое как «вици», в обновленном, приближенном к классическому варианте звучало как «уики», а *Venus* – как «Уэнус».

греческий – это два совершенно отдельных языка, на которых говорили разные народы, жившие в неблизких частях древнего мира. Хоть какое-то представление об этом тебе, Джексон, должны были внушить в Академии Уэйл в Рамсгейте.

Хаусмен. Но богиня любви Уэнус для человека таких вернических наклонностей, как Джексон, – это серьезное возражение против нового произношения. И потом, Уэнус – это так нехимично.

Джексон. Я знаю, вы с Поллардом презираете науку.

Поллард. Разве это наука? Овидий говорил, это искусство.

Джексон. А, *любовь*! Вы просто меня клюете, потому что никогда не целовались с девушками.

Поллард. Правда. И как это, Джексон?

Джексон. Целоваться не похоже ни на науку, ни на искусство. Это не сравнить ни с тем ни с другим; это что-то третье.

Поллард. Ничего себе.

Хаусмен. *Da mi basia mille, deinde centum*³⁸.

Поллард. Катулл! Дай мне тысячу поцелуев, а затем еще

---

³⁸ Дай мне тысячу поцелуев и к ним еще сотню (*лат.*). Здесь и далее в сцене цитируется Катулл, V. Ср. перевод С. Шервинского (*Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций*. М.: Худ. лит., 1963. С. 24): Будем, Лесбия, жить, любя друг друга! Пусть ворчат старики, – что нам их ропот? За него не дадим монетки медной! Пусть восходят и вновь заходят звезды, – Помни: только лишь день погаснет краткий, Бесконечную ночь нам спать придется. Дай же тысячу сто мне поцелуев, Снова тысячу дай и снова сотню, И до тысячи вновь и снова до ста, А когда дойдем до многих тысяч, Перепутаем счет, чтоб мы не знали, Чтобы сглазить не мог нас злой завистник, Зная, сколько с тобой мы целовались.

сто! Потом еще тысячу, потом вторую сотню! Да, Катулл – это поэт для Джексона.

Джексон. Как там у него? Это удобно послать мисс Лидделл как мой стих?

Поллард. Смотря какая эта мисс Лидделл. Она – дактиль³⁹?

Джексон. Я очень в этом сомневаюсь. Она – дочь декана колледжа Крайст Черч.

Поллард. Ты не понял. Ее имя должно совпадать по размеру с Лесбией. Вся любовная лирика Катулла написана Лесбии или про нее. *Vivamus, tva Lesbia, atqueamemus...*

Джексон. А по-английски? Девушки, которые целуются, латыни не знают.

Поллард. Ах, по-английски. Попробуем, Хаусмен? «Давай жить, моя Лесбия, и давай любить, в грош оценим ропот брюзгливой старости...»

Хаусмен. «Не дадим и двух медяков за бурчание стариков...»

Поллард. Каков пижон!

Хаусмен.

Зайдет ли солнце иль взойдет опять: лишь краткий свет

---

³⁹ Она – дактиль? – Латинское имя Лесбия метрически представляет собой дактиль. Имя возлюбленной Джексона, Элис, представляет собой хорей. Элис, или Алиса, Лидделл – дочь декана колледжа Крайст Черч Генри Джорджа Лидделла, составителя классического древнегреческо-английского словаря. Алисе Лидделл посвящены знаменитые повести оксфордского математика Льюиса Кэрролла.

Умрет, и мы уснем в ночи, которой краю нет.
Мне поцелуев тысячу и сто преподнеси,
К ним тысячу добавь и десять раз по десяти.

Джексон. Чем там заканчивается?

Ха смен. Заканчивается тем, что оба они умерли, а Катул-
ла сдают на экзаменах ⁴⁰. *Nox est perpétua* ⁴¹.

Поллард. Все-таки, если его сдают, не *perpétua*.

Хаусмен. Этому вас англикане учат?

Джексон. Они поженились?

Поллард. Нет. Они любили, и бранились, и мирились, и любили, и дрались, были верными друг другу и изменяли. Она сделала его самым счастливым человеком на свете и самым жалким, а через несколько лет умерла, а потом, в тридцать лет, и он умер. Но к тому времени Катулл изобрел любовную лирику.

Джексон. *Изобрел?* Правда, Хаус?

Поллард. Можешь его не спрашивать. Как все остальное – часы, штаны и алгебру, – любовную лирику нужно было изобрести. После тысяч лет секса и сотен лет поэзии любовная лирика – непритворные признания влюбленного поэта, дарящего бессмертие своей даме в творении, ею вдохновленном, – так вот, лирика, как ее понимают Шекспир, и Донн, и студенты Оксфорда, была изобретена в Риме в первом веке

---

⁴⁰ Moderations, или Mods, первый публичный экзамен на степень бакалавра в Оксфордском университете.

⁴¹ Ночь вечна (*лат.*).

до Рождества Христова.

Джексон. Ого!

Хаусмен. Интересный момент – это *basium*⁴². До Катулла поцелуй всегда был *osculum*⁴³.

Поллард. Ну-ка, Хаус, напрягись, разве это интересный момент в поцелуе?

Хаусмен. Да.

Поллард. Держи правее, Джексон.

Джексон. Хочешь взять весла?

Поллард. Нет, у тебя прекрасно получается.

Джексон. Хаус бездельничает с самого Иффли.

Хаусмен. Какая наглость! Кто вас вывел из Аида?

Уплывают.

Игра в крокет возвращается на сцену: Паттисон, за ним по очереди – Джоуитт, Пейтер и Рёскин. Их появления, уходы и перемещения определяются развитием игры.

Паттисон. Мне не было и семнадцати, когда я впервые увидел Оксфорд. Это было в тысяча восемьсот тридцатом, и Оксфорд тогда был упоительным, не застроенным, как сегодня. Город кишит людьми, которым дела нет до университета, или, точнее, их отношение к университету исключительно деловое. Университет держался в стороне от лондонской и бирмингемской железных дорог вплоть до сороковых го-

---

⁴² *Basium* – предположительно, диалектизм, привнесенный уроженцем Вероны Катуллом в латинскую поэзию и позднее вошедший в романские языки.

⁴³ *Basium, osculum* – поцелуй (лат.).

дов. Я тогда сказал: «Если к нам придут бирмингемские поезда, то и от лондонских не уберечься».

Пейтер. Мне не кажется, что вы правы, доктор Паттисон.

Джоуитт. Добираться десять миль до Стивентона, чтобы попасть на поезд в Паддингтон, никогда не было чересчур приятным занятием. Лично я благодарю Господа за нашу транспортную ветку и надеюсь, что теперешняя пересадка в Дидкоте не исчерпала щедрот Его милосердия.

Рёскин. Когда я в Паддингтоне, я чувствую себя как в аду.

Джоуитт. Вам не стоит об этом распространяться, доктор Рёскин. Нравственному воспитанию оксфордских студентов не пойдет на пользу мысль, что расплата за грехи – это всего лишь толкучка на крупном вокзале.

Рёскин. Быть нравственно воспитанным можно только тогда, когда осознаешь, насколько ужасающей была бы такая расплата. Механический прогресс – это шлак от нашей увядающей гуманности. Не удивлюсь, если ад представляет собой беспредельно раскинувшуюся модернизацию. Меж Бакстоном и Бейквеллом есть скалистая долина; там некогда – при первых и закатных лучах солнца – Музы танцевали пред Аполлоном и слышалась флейта Пана. Скалы эти взорвали ради железной дороги, и теперь каждый кретин из Бакстона может через полчаса оказаться в Бейквелле, а кретин из Бейквелла – в Бакстоне.

Пейтер (*в игре*). Первоклассный удар.

Джоуитт. Держите дистанцию.

Паттисон. Лично я всецело за образование, но в университете ему не место. Университет существует для того, чтобы искать смысл жизни посредством ученых занятий.

Рёскин. Я объявил смысл жизни в своих лекциях. Нет ничего прекрасного, что не благо, и нет ничего благого, что не имеет нравственной цели. Я заставил студентов вставать на заре, чтобы они прокладывали дорогу с цветами по обочинам вдоль болота Ферри Хинкси. Там был один ирландский щеголь, ражий детина с белыми руками и длинными поэтическими волосами, который с гордостью говорил, что никогда не видел лопаты; на целый семестр я превратил его в землекопа и научил, что труд – это основа добродетели. Потом я выехал в Венецию на зарисовки, и дорога провалилась в болото. Мой протезе начал вставать к полудню, чтобы курить сигареты и читать французские романы, а Оксфорд превратился в городской водоем для обучения гребле.

Хаусмен и Поллард идут вдоль реки, Хаусмен сосредоточен на лодочной гонке. Гонки не видно.

Хаусмен. Поднажми, Сент-Джон!

Поллард. Рёскин сказал, что, когда он в Паддингтоне, он чувствует себя как в аду, а Оскар Уайльд ⁴⁴ добавил: «А ко-

---

⁴⁴ Оскар Уайльд (Oscar Fingal O'Flahertie Wills Wilde, 1854 – 1900) – поэт, писатель и драматург ирландского происхождения. Окончил дублинский Тринити-колледж в 1871 г. и в 1874 г. был принят на классическое отделение в оксфордский колледж Магдалины, который окончил с высшим баллом в 1878 г. В Лондоне Уайльд приобретает необычайную популярность как драматург, романист и автор сказок для детей, становится идеологом и практиком эстетизма;

гда...»

Хаусмен. «...когда он попадет в ад, то будет думать, что это всего лишь Паддингтон». Жаль, если Уайльд будет известен одними перевертышами. Сент-Джон, давай!

Поллард. Ты ведь ненавидишь спорт.

Хаусмен. Шевелись!

Поллард. Уайльда считают самым остроумным человеком в Оксфорде. Говорят, в его комнатах в Магдалине ⁴⁵ нет ничего, кроме лилии в голубой вазе.

Хаусмен. Что, и мебели нет?

Поллард. Да нет, мебель, конечно, есть...

То есть думаю, что мебель есть.

Хаусмен. Поднажми, Сент-Джон!

Поллард. Он заявился на бал к Морреллам ⁴⁶ в мундире

находится в центре художественной и светской жизни Лондона. Помимо своих произведений Уайльд становится известен афоризмами, эпатирующим стилем одежды и шокирующим для викторианской Англии поведением. Независимое поведение Уайльда часто становилось предметом скандалов и судебных разбирательств. В 1895 г. Уайльд осужден за гомосексуализм и отбывает двухлетнее заключение в Рединге. После освобождения переезжает во Францию. Умирает в Париже от менингита.

⁴⁵ Комнаты в Магдалине – колледж Магдалины в Оксфорде, во второй половине XIX в. приобрел известность благодаря многочисленным студентам-эстетам и гребной команде.

⁴⁶ Морреллы – один из старинных родов в Оксфорде, владельцы пивоварни на Сент-Томас-стрит с 1782 по 1953 г. 1 мая 1878 г. Уайльд пришел на ежегодный бал к Морреллам в форме Голубых мундиров, полка принца Руперта. Наряд Уайльда, включавший бархатную куртку, бриджи, черные шелковые чулки, трость и зеленые перчатки, повлиял на формирование облика английского денди.

Рупертовского полка и с тех пор по рассеянности надевает его каждое утро. Его даже видели в этом наряде на главной улице. Все вокруг повторяют его реплику, что с каждым днем ему все труднее и труднее тягаться с той голубой фарфоровой вазой. По-моему, это блестяще.

Хаусмен. У нас в Бромсгроуве была голубая фарфоровая масленка, мы на нее и внимания не обращали. Отличная гонка! Эх, Сент-Джон продул!

Джоуитт. Когда я приехал в Оксфорд, мне было восемнадцать. Шел тысяча восемьсот тридцать пятый год, и Оксфорд выглядел весьма бесславно. Образование почти не затрагивало жизни университета. Учебу оттеснили на задворки и в кельи: так, должно быть, паписты проповедовали в елизаветинских домах. Члены советов не имели в обществе никакого веса. Казалось, их полностью обезоружил исторический процесс, который отдал студентов в руки добродушных священников, ожидавших назначения в сельские приходы. Мне не в чем упрекнуть тогдашний студенческий сброд – обычные дебоширы и лодыри. Великая реформа пятидесятых ⁴⁷ заложила основу образованного класса, который простер нравственный и общественный порядок на те части света, где – приведу один лишь пример – прежде не слыхивали

---

⁴⁷ Великая реформа пятидесятых. – Акт об университетской реформе 1854 г. предписывал Оксфордскому университету назначать стипендии для неимущих студентов и принимать на учебу лиц неангликанского вероисповедания. Впоследствии консерваторы пытались настоять на конфессиональном отборе студентов и обязательном изучении древнегреческого.

о моем Платоне.

Паттисон. Великая реформа превратила нас в базарную толкучку. Железная дорога доставляет сюда дураков, а после их же вывозит – с плацкартой для большого мира.

Джоуитт. Если современный университет и существует, то лишь с согласия большого мира. И мы обязаны выпускать людей, готовых к жизни в этом мире. Что подаст им пример, как не классическая древность? Нигде идеалы морали, искусства и общественного порядка не воплощались гармоничнее, чем в Греции в эпоху великих философов.

Рёскин. Не считая мужеложства.

Джоуитт. Не считая мужеложства.

Пейтер. Собственно, Италия в конце пятнадцатого века... Нигде идеалы искусства, морали и общественного порядка не воплощались гармоничнее, не считая морали и общественного порядка.

Рёскин. Средневековая готика! Средневековые готические соборы были великими двигателями искусства, морали и общественного порядка!

Паттисон (*в игре*). Очко ⁴⁸. Ваш удар.

Пейтер. Средневековье прикоснулось и ко мне, но его время – и мое к нему почтение – прошло. Сегодня меня к Средним векам и калачом не подманишь. Эти ваши кустарные

---

⁴⁸ Очко – в этой и следующих двух репликах играющий в крокет Паттисон употребляет термины регби, тенниса и крикета, соответственно.

промыслы ⁴⁹, они полезны для народа; без них Liberty's ⁵⁰ был бы под угрозой краха, его попросту закрыли бы. Но все-таки истинный дух эстетизма восходит к Флоренции, Венеции, Риму – не считая Японии. Этот дух рельефно проступает у микеланджеловского Давида – не считая паха ⁵¹. Самая голубизна моего галстука утверждает, что мы все еще живем в ту революционную эпоху, когда человек вновь стал властен над своей природой и произвел на свет итальянское Возбуждение.

Паттисон. В смысле, Возрождение. Равный счет.

Пейтер. На фресках Санта Мария делла Грацие ⁵², на расписном своде Святого Панкраца ⁵³...

---

⁴⁹ Кустарные промыслы. – Рёскин в сотрудничестве с Уильямом Моррисом пропагандировал кустарный промысел и прикладные ремесла как средство эстетического самовыражения для низших классов. Основанное Рёскином движение «искусств и ремесел» (arts-and-crafts) принимало за образец средневековую цеховую организацию труда. Движение способствовало развитию в Англии декоративного искусства и художественного дизайна и стало предтечей ар-нуво и Баухауса.

⁵⁰ Liberty's – галерея и художественный салон в Лондоне, служившие в 1870 – 1880-х гг. выставочным и коммерческим центром движения «искусств и ремесел» (см. выше, Кустарные промыслы). В Париже подобным представительством был салон Le Style Liberty.

⁵¹ За этот предосудительный образ автор благодарит исполнителя роли Пейтера, Робина Соанса. (Примеч. авт.).

⁵² Санта Мария делла (вариант: делле) Грацие – храм в Милане, где находится фреска да Винчи «Тайная вечеря».

⁵³ Вокзал Святого Панкраца выстроен в 1863 – 1874 гг. Образец викторианской готической архитектуры.

Паттисон. В смысле, Петра. Если не ошибаюсь, вы блокировали мяч.

Входит Джексон в костюме для гребли.

Хаусмен. Хорошо ты греб, Джексон! Нас все-таки обошли на корпус.

Джексон. Поразительное дело. Подходит ко мне парень в бархатных бриджах, этакая штучка из мюзик-холла, и говорит, что желает высказать восхищение моим коленом. Я с достоинством отвечаю: «Благодарю вас, но хотя мое имя – Мозес, я не из колена Израилева и не могу принимать похвалы за чужой счет». Он говорит: «Оставьте шуточки на мою долю, ради них меня держат в Оксфорде. Я видел вас в Торпидс, ваше левое колено – это поэма».

Поллард. А ты что сказал?

Джексон. Естественно, спросил, не гребец ли он. Он сказал, что садился за весла в Магдалине, но так и не смог понять, зачем ему каждый вечер спускаться в Иффли задом наперед, и оставил это занятие. Теперь он не признает игр на свежем воздухе, кроме домино; а в домино на свежем воздухе ему приходилось играть во французских кафе. Я думаю, он знаете кто?

Поллард. Кто?

Джексон. Один из этих эстетов.

Уходят.

Рёскин. Совесть, вера, дисциплина самообуздания, преданность природе – все христианские добродетели, давшие

нам собор в Шартре ⁵⁴, живопись Джотто, поэзию Данте, – были обряжены в радужное тряпье ради сиюминутных страстей.

Пейтер. В раннем Рафаэле, в сонетах Микеланджело ⁵⁵, в Корреджо ⁵⁶, в его мальчике с лилиями из Пармского собора и, отдаленно, в моем галстуке – мы чувствуем аромат, как лучше выразиться...

Паттисон. Калача.

Пейтер. Калача? Нет... аромат утонченного и благовидного язычества ⁵⁷, которое освободило красоту из склепа христианского сознания. Возрождение учит нас, что книгу познания должно не затверживать на память, но писать наново, с восторгом проживая каждое мгновение ради самого мгновения. Поддерживать такой восторг, всечасно гореть этим твердым самоцветным пламенем – значит достичь всего.

Обзавестись привычками – значит потерпеть крах. Гореть самоцветным пламенем можно, лишь чутко улавливая каждый миг – ради самого этого мига. Обрастая привычками,

---

⁵⁴ Шартрский собор – Собор Богоматери в Шартре, городе на севере Франции. Одно из выдающихся произведений готического искусства.

⁵⁵ Сонеты Микеланджело – сегодня известно около 300 стихотворений Микеланджело (1475 – 1564), в основном сонеты и мадригалы, посвященные однополрой любви.

⁵⁶ Антонио Аллегри из Корреджо (1494 – 1534) – знаменитый итальянский художник, виднейший представитель Пармской школы в живописи эпохи Возрождения.

⁵⁷ Здесь и далее в сцене отражены идеи Уолтера Пейтера, изложенные в его сборнике эссе «Исследования по истории Ренессанса» (1873).

мы упускаем мгновения своей жизни. Как увидеть эти мгновения? Как запастись не плодами опыта, а самим опытом...

Джексон бежит в нашу сторону, не приближаясь. Игра уходит со сцены Рёскина и Паттисона.

...как удержать явленную в мгновении изощренную страсть, причудливый цветок, искусство – или лицо друга? Ибо упускать мгновения в нашем кратком дне зноя и стужи – все равно что спать до заката. Принятая мораль, которая требует пожертвовать хоть одним из таких мгновений, не имеет на нас прав. Любовь к искусству ради искусства не ищет себе наград, она лишь придает высочайшую ценность мгновениям нашей жизни – ради этих мгновений.

Джоуитт. Мистер Пейтер, вы не могли бы уделить мне одно мгновение?

Пейтер. Разумеется! Сколько вам будет угодно!

Прибегает запыхавшийся Джексон. Хаусмен встречает его с часами в руках. Джексон бессильно опускается на скамейку. Хаусмен держит самодельный «лавровый венок». Он беспечно коронует Джексона.

Хаусмен. Одна минута пятьдесят восемь секунд.

Джексон. Что?

Хаусмен. Минута пятьдесят восемь, ровно.

Джексон. Ерунда какая.

Хаусмен. Или две пятьдесят восемь.

Джексон. Тоже ерунда. Сколько была первая четверть?

Хаусмен. Я забыл посмотреть.

Джексон. А что же ты делал?

Хаусмен. Смотрел на тебя.

Джексон. Дубина!

Хаусмен. А почему не может быть минута пятьдесят во-
семь?

Джексон. Мировой рекорд на полмили больше двух ми-
нут.

Хаусмен. А, да?... Мои поздравления, Джексон.

Джексон. Что только из тебя выйдет, Хаус?

*Джексон снимает венок и, уходя, оставляет его на ска-
мейке. Хаусмен берет за книгу.*

Хаусмен. Вот что из меня вышло.

Пейтер. История была непомерно раздута, она, если угод-
но, обрела размах в вашем пересказе, но при всем том пись-
мо, подписанное «Ваш любящий»...

Джоуитт. Несколько писем, к тому же адресованных сту-
денту.

Пейтер. Несколько писем, подписанных «Ваш любящий»
и адресованных студенту...

Джоуитт. Баллиоля.

Пейтер. Даже студенту Баллиоля, – еще не доказывают
факт связи, они не обнаруживают даже намека на сношения,
по сути...

Джоуитт. Письма от *наставника*, сэр, члена совета чужого
колледжа, с благодарностью за *отвратительный сонет!* \

Пейтер. Короче говоря, доктор Джоуитт, вы чувствуете,

что я преступил границу дозволенного.

Джоуитт. Я чувствую, мистер Пейтер, что письма студента, подписанные «Ваш любящий», с благодарностью за сонет о медовых устах и быстрых бедрах Ганимеда могут быть истолкованы фатальным для университетских идеалов образом, даже если обсуждаемый студент не был бы известен под прозвищем Баллиолевский педик.

Пейтер. Вы меня поражаете.

Джоуитт. Баллиолевский педик, я убежден.

Пейтер. Нет, нет, я поражен тем, что вы не считаете возможным истинно платонический обоюдный пыл.

Джоуитт. Платонический пыл, если уж речь зашла о Платоне, есть пыл, который опустошит частные школы и наполнит тюрьмы, не подави мы его в зародыше. При переводе «Федра»⁵⁸ мне понадобилась вся моя ловкость, чтобы перефразировать описание педерастии в ту уважительную привязанность, каковая приличествует англичанину и его жене. Платон сам совершил бы эту перестановку, привел бы ему заправлять Баллиолевом.

Пейтер. И все же, Мастер, никакой ловкости не отменить любви к мальчикам как приметы общества, почитаемого на-

---

⁵⁸ «Федр» – диалог Платона, в котором Сократ и Федр обсуждают истинную природу любви. Федр утверждает, что мальчику предпочтительнее выбрать в любовники того, кто не испытывает привязанности. Сократ сравнивает душу с колесничим, который удерживает чувственные и духовные запросы человека подобно двум коням. Сократ считает, что любовники могут обуздать свое чувственное начало и добиваться блага совместно.

ми за наиболее блестящее в истории культуры, превосходящего в нравственном и умственном отношении сопредельные нации.

Джоуитт. Вы крайне добры, но один студент ⁵⁹ у нас погоды не делает; я написал отцу, чтобы его забрали. (*Хаусмену, который появляется с новой книгой.*) Складывайте вещи, сэр, и убирайтесь! Пагуба, которая принизила славу Греции, не возобладает над Баллионом!

Пейтер (*уходя, Хаусмену*). Это долгая история, но время все расставит по местам.

Хаусмен. Я – Хаусмен, сэр, из Сент-Джона.

Джоуитт. В таком случае я отказываюсь понимать, почему я к вам обратился. Кто ваш наставник?

Хаусмен. Я посещаю мистера Уоррена из Магдалины трижды в неделю.

Джоуитт. Да, верно. Уоррен ⁶⁰ – выпускник Баллиоля, он

---

⁵⁹ Один студент – студент Баллиоля Уильям Мани Хардиндж (William Money Hardinge), победитель университетского поэтического конкурса Ньюдигейт, был уличен в «непотребной» переписке с сотрудником Оксфорда Уолтером Пейтером. В качестве улики для внутреннего расследования были предъявлены письма Пейгера и эротические сонеты Хардинджа. Мастер Баллиоля Джоуитт разорвал отношения с Пейтером, а Хардиндж был удален из колледжа под предлогом болезни.

⁶⁰ Сэр Томас Уоррен (Sir Thomas Herbert Warren, 1853-1930) – ученый-классик. С 1877 по 1930 г. – профессор классических языков и президент колледжа Магдалины в Оксфорде, в 1906 – 1910 гг. – вице-канцлер Оксфордского университета. Во время учебы Уайльда и Хаусмена в Оксфорде Уоррен был поочередно их наставником.

говорил о вас. Он думает, что вы на многое способны.

Хаусмен. Правда, сэр?

Джоуитт. Если вы сумеете отказаться от своей легкомысленности и цинизма и найдете другой способ избавиться от ирландской провинциальности, кроме как отпускать жеманные замечания о фарфоровых вазах и расхаживать в бриджах сливового цвета, что вы и так не делаете, и острижете волосы – вы ведь не тот, правда? Оставим. Что у вас там? О, «Катулл» Мунро ⁶¹. Я видел его у Блекуэлла ⁶². Целый океан Мунро и драгоценная капля Катулла. Поразительно, за что люди платят четыре шиллинга и шесть пенсов. Катулл в вашем списке для чтения?

Хаусмен. Да, сэр, «Свадьба Пелея и Фетиды» ⁶³.

Джоуитт. Катулл, шестедят четыре! Первая сцена достойна кисти лорда Лейтона ⁶⁴! Цвет юношей Аргоса ⁶⁵, го-

---

⁶¹ Хью Мунро (Hugh Andrew Johnstone Munro, 1819 – 1885) – ученый-классик, профессор латинского языка в Кембриджском университете. Известен изданием Лукреция (1860-1864). В 1878 г. опубликовал монографию «Критика и исправления Катулла».

⁶² Блекуэлл – книжный магазин в Оксфордском университете, сегодня крупнейшая сеть академических книжных магазинов.

⁶³ «Свадьба Пелея и Фетиды» – Катулл, LXIV («Некогда челн из сосны...») Пер. С. Шервинского // *Катулл. Тибулл. Проперций*. М.: Худ. лит., 1963. С. 100 – 113.).

⁶⁴ Лорд Фредерик Лейтон (Frederic Leighton, 1830 – 1896) – видный английский художник-классицист, президент Королевской академии искусств (1878 – 1896).

⁶⁵ Цвет юношей Аргоса... – Здесь и далее в сцене пересказывается Катулл, LXIV: «В год, когда юношей цвет, аргосской краса молодежи, / Страстно похитить стремясь золотое руно из Колхиды, / Быстрой решились кормой взбороз-

ря поимкой золотого руна, пенит волны лопастями из сосны. Первый корабль отправляется бороздить океан! «И дикие лица nereid⁶⁶ всплывали из белых пенистых вод – *emerserefericandentie gurgitevultusaequoreae*, – глядя изумленно на это зрелище – *monstrumNereidesadmirantes*.

Хауспен. Да, сэр. Точнее, *freti*⁶⁷.

Джоуитт. Что?

Хауспен. Мунро согласен, что *feri*⁶⁸ – это ошибка. Должно быть *freti*, сэр, поскольку *vultus*⁶⁹ в аккумулятиве.

Джоуитт. Согласен с кем?

Хауспен. Ну, со всеми.

Джоуитт. Со всеми, кроме Катулла. Филологи сказали свое слово. Долой дикие лица, выплывающие в номинативе⁷⁰. Да здравствует переходный глагол *emersere*⁷¹, возносящий аккумулятивные неквалифицируемые лица над белыми пенистыми водами *freti*, чего-то водяного вроде канала. Ничего,

---

дить соленые воды, / Весел еловых концом голубую взрывая поверхность» (Пер С. Шервинского).

⁶⁶ «И дикие лица nereid...» – см. Катулл, там же: «Только лишь, режа волну, в открытое вышел он море, / И, под веслом закружась, побелели, запенились воды, / Из поседевших пучин показались над волнами лица: / Нимфы подводные, всплыв, неожиданному чуду дивились».

⁶⁷ *Freti*, от */return* – здесь: пролив (*лат.*).

⁶⁸ *Feri*, от *férus* – дикий, неприрученный (*лат.*).

⁶⁹ Лицо (*лат.*).

⁷⁰ Номинатив – именительный падеж.

⁷¹ *Emersere*, от *emergere* – всплывать (*лат.*).

что у нас переизбыток водных слов, пусть будет еще и канал, – вот, пожалуйста, «*fretiv* вместо *feri* представляет собой несложное исправление, так как описки в буквах *r, t, tr, rt* чаще прочих отмечаются в рукописных текстах». Что ж, это право Мунро – соглашаться со всяким, кто правит рукописи Катулла по своему вкусу и называет такую правку конъектурой. Это пустое занятие пригодно для того, чтобы заполнять досуг профессоров Кембриджского университета. Но вы, сэр, не для того ходите по земле с оксфордской стипендией, чтобы морочить себе голову тем, написал Катулл в таком-то месте *ut*, или *et*, или *out*⁷², или ничего; подделана или искажена такая-то его строка или, напротив, она являет нам авторский гений. Вы здесь для того, чтобы принимать античных авторов, какими они вышли от почтенного английского издателя, и изучать их, пока вы не сможете писать их размером. Без умения писать стихи на латыни и греческом как вы можете надеяться принести миру хоть какую-то пользу!

Хаусмен. Но разве нет пользы в том, чтобы установить, что на самом деле писали античные авторы?

Джоуитт. В общем и целом это было бы скорее желательно, чем нежелательно; и работу эту успешно проделали, где только возможно, добротные ученые, которых уже лет сто как нет. В остальном определенность возникнет, только если отыщется автограф. Не далее как сегодня утром у меня была причина отдать машинистке автограф письма, написанного

---

⁷² *Ut* – как; *et* – и; *out* – или (*лат.*).

мною отцу некоего студента. Копия, возвращенная мне, гласила, что Мастер Баллиоля принужден исполнить свой тяжкий долг и заклеить противоестественный *порог*. Иными словами, каждый, кто имел дело с секретарями, знает, что слова Катуллы были искажены уже тогда, когда двое переписчиков закончили свои списки, то есть приблизительно ко времени первого вторжения римлян в Британию ⁷³, а ведь самый ранний из известных нам списков появился примерно на полторы тысячи лет позднее. Вообразите всех этих секретарей! Ошибка тянется за ошибкой с папируса на папирус и с последних крошащихся свитков переносится на первые новомодные пергаменты, чтобы повторяться еще тысячу лет; рукопись без единой запятой шла сквозь строй переменчивых график и правописаний, не говоря уж о плесени, крысах, пожарах, наводнениях и церковниках, скорых на суд и расправу; так слова Катуллы и кочевали от переписчика к переписчику – тот пьян, этот дремлет, третий небрежен, а те, кто трезв, бодр и дотошен, – либо невежды в латыни, либо, что страшнее, почитают себя латинистами почище Катуллы, – пока в долгожданном конце цепочки, подобно вернувшемуся домой битому и трепаному псу, на порог итальянского Возрождения не рухнул единственный живой свидетель тридцати поколений небрежности и глупости – *Codex Veronensis*

---

⁷³ Первое вторжение римлян в Британию произошло в 55 г. до н. э., т. е. при жизни Катуллы.

⁷⁴Катулла, который тоже был утерян почти моментально, но не раньше, чем его скопировали, дав ошибкам последнюю лазейку. *Здесь-то* стихи Катулла и приняли вид, в каком их увидел первый печатник-венецианец четыреста лет назад.

Хаусмен. Где, сэр?

Джоуитт (*указывает*). Вот здесь.

Хаусмен. Вы хотите сказать, сэр, что рукопись здесь, в Оксфорде?

Джоуитт. Ну да. Потому ее и называют *Codex Oxoniensis*. Один немецкий ученый совсем недавно осознал все значение кодекса и положил *Oxoniensis* в основу своего издания Катулла. Мистер Робинсон Эллис ⁷⁵ из Тринити-колледжа обнаружил существование кодекса несколькими годами раньше, но, увы, не оценил, насколько он важен. Поэтому эллисовское издание Катулла отмечено лишь тем, что, на беду, игнорирует открытие собственного составителя.

Входит Эллис с самокатом, он играет ребенка, в руках – леденец на палочке. При этом одет не по-детски.

Вот тебе и на, Эллис! Забыл про свой *Oxoniensis*!

Эллис. Не забыл.

---

⁷⁴ *Codex Veronensis* – Веронский кодекс, единственный известный список Катулла; замеченный ок. 965 г., он был вновь обнаружен ок. 1300 г. в Вероне, а во второй половине XIV в. начал расходиться в списках.

⁷⁵ Робинсон Эллис (Robinson Ellis, 1834-1908) – преподаватель латыни в Лондонском университетском колледже (1870 – 1876), затем профессор латыни в Тринити-колледже в Оксфорде (1876 – 1908). Автор изданий Катулла (1876, 1889), Манилия (1891) и Вергилия (1907).

Джоуитт. Забыл.

Эллис. Не забыл.

Джоуитт. Забыл.

Эллис. Не забыл.

Так они и продолжают, тем временем вливаются АЭХ и Харон.

Джоуитт. Забыл.

Эллис. Не забыл.

Джоуитт (*уходя*). Забыл. Забыл. Забыл!

Эллис. Не забыл. И вообще, Беренс ⁷⁶ его переоценил. Вот тебе!

АЭХ. Это Бобби Эллис! Он слегка изменил своим манерам, но по интеллекту узнаешь его безошибочно.

Эллис. Молодой человек, мне сказали, что вы определенно окончите с высшим баллом. Я предлагаю собрать класс в следующем семестре, читать Монобиблос. Взнос – один фунт.

Хаусмен. Монобиблос?

АЭХ. Этого я тоже где-то видел.

Эллис. О боже! Монобиблос – Проперций, книга первая.

Хаусмен. Проперций.

Эллис. Величайший из римских элегиков ⁷⁷ – и самый ис-

---

⁷⁶ Эмиль Беренс (Emil Baehrens) – немецкий ученый-классик. Автор комментариев к Катуллу (1876) и Проперцию

⁷⁷ Элегия – античный лирический стихотворный жанр, обычная форма которого – двустишия, состоящие из дактилического гекзаметра и пентаметра.

порченный.

Хаусмен. О!

Эллис. Разве что у Катутла текст более поздний, но я бы сказал, что Проперций испорчен сильнее.

Хаусмен. О, *испорчен!* Да, сэр. Спасибо, сэр.

Оба уходят.

АЭХ. Вы знаете Проперция?

Харон. Вы имеете в виду – лично?

АЭХ. Я имею в виду – стихи.

Харон. А, тогда нет. Приехали. Элизиум.

АЭХ. Элизиум! Где же еще?! Мне было восемнадцать, когда я впервые увидел Оксфорд, и Оксфорд был очарователен. Еще не стал приманкой для туристических толп, как сегодня. С бирмингемского поезда вас встречали извозчики; и в городе не было ни единого здания из кирпича, пока не построили Кинема и кафе Кардома. Оксфорд моих снов, вновь явленный во сне. Желание помочиться, вместе с соображением, что делать этого не стоит, обычно говорит о том, что ты спишь.

Харон. Или сидишь в лодке. Со мной такое было однажды.

АЭХ. Вы спали?

Харон. Нет, я был в пьесе.

АЭХ. Над этим нужно поразмыслить.

Харон. Аристофан, «Лягушки».

АЭХ. Да, это правда. Я вас видел.

Харон. На корме у меня сидел Дионис.

АЭХ. Вы хорошо играли.

Харон. Нет, я просто там был. Меня застали врасплох. Хорошая пьеса «Лягушки», как вам кажется?

АЭХ. Не особенно, но в ней цитируют Эсхила ⁷⁸.

Харон. Ах, вот то была пьеса так пьеса.

АЭХ. Которая?

Харон. Эсхил, «Мирмидоняне». Вы ее знаете?

АЭХ. Она не сохранилась, только название и несколько фрагментов. Я разделил бы долю Сизифа в Аиде и с радостью толкал камень вверх по склону, если каждый раз, покуда камень катится вниз, мне читали бы строку из Эсхила.

Харон. Кажется, я что-то припоминаю.

АЭХ. О господи!

Харон. Подождите минутку.

АЭХ. О боже!

Харон. Ахилл в своем шатре.

АЭХ. Господи, только бы это мне не снилось.

Харон. Хор – это его соплеменники, мирмидоняне.

АЭХ. Да.

Харон. Они его отчитывают за то, что он сидит в шатре и дуется.

---

⁷⁸ ...в ней цитируют Эсхила. – Этот фрагмент Эсхила не приводится в «Лягушках» Аристофана. См. «[Ахилл над внесенным телом Патрокла] Неблагодарный! Ты за всю любовь мою / Не пожалел святыни тела чистого!» {Эсхил. Мирмидоняне, 157 (135) и 158 (136). Пер. М. Л. Гаспарова / Трагедии. М.: Наука, 1989. С. 297.

АЭХ. Да, да, шатер, но вы можете вспомнить хоть строчку, которую Эсхил *написал*?

Харон. Я к этому подхожу. Сначала Ахилл сравнивает себя с орлом, который подбит стрелой, оснащенной одним из его собственных перьев. Эту вы знаете?

АЭХ. Слова, слова.

Харон. Ахилл в своем...

АЭХ. Шатре.

Харон. Шатре. Я рассказываю или вы? Он играет сам с собой в кости, когда приходит весть, что Патрокл убит. Ахилл теряет рассудок и, видите ли, винит Патрокла, что тот погиб. Теперь строка. «Неужели для тебя ничего не значат, – говорит он, – безупречные чресла, которым я поклонялся, и обилие моих поцелуев».

АЭХ.⁷⁹

ἀέβς δε μῆρῶν ἄγνον οὐκ ἐπιδέδω,
ὦ δυσχάριστε τῶν πικτῶν φιλημάτων.

Харон. Вот-вот.

АЭХ. Да, понятно.

Харон. Не подходит?

АЭХ. Подходит. Это один из фрагментов, который до нас

---

⁷⁹ Отрывок на древнегреческом – в пьесе приводится фрагмент из Эсхила, см. выше, В ней цитируют Эсхила.

дошел. Равно как и метафора с орлом; но это не собственные слова Эсхила, которые, осмелюсь сказать, вы не способны вспомнить.

Харон. Досадно, правда?

АЭХ. Именно. Все прозрачно. Я могу сейчас напрудить лужу в постель, ночная сиделка сменит простыни и укутает меня без слова упрека. Они очень добры ко мне в Эвелин-ской лечебнице.

Джексон *(за сценой)*. Хаусмен!

Поллард *(за сценой)*. Хаусмен!

Харон. Тогда и ведите себя как живой! Поняли?

АЭХ. Да, еще как понял.

Харон. Ко мне таких десятками присылают.

АЭХ. Может быть, заедете попозже.

Харон. Думаю, нет.

АЭХ. Ах да. Где твое жало?⁸⁰

Харон подвозит АЭХ к берегу.

Поллард *(за сценой)*. Хаус! Пикник!

Джексон *(за сценой)*. Акриды! Мед!

Входит Хаусмен с кипой книг, опускает ее на скамейку.

Хаусмен. Позвольте вам помочь.

АЭХ *(Харону)*. Кто это?

Харон. Кто это, он еще спрашивает.

АЭХ *(Хаусмену)*. Благодарю вас.

---

⁸⁰ Где твое жало? – См. «„Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?“ Жало же смерти – грех; а сила греха – закон» (1 Кор. 15: 55 – 56).

Харон. Умирать надо вовремя.

Хаусмен помогает АЭХ выйти на берег.

АЭХ. Крайне удачно.

Харон. Умирать надо вовремя! Конца-краю им нет!

(Уплывает.)

АЭХ. Не обращайтесь на него внимания. Могу я спросить, чем вы здесь занимаетесь?

Хаусмен. Классикой, сэр. Изучаю античных авторов.

АЭХ. Вот как? Я тоже занимался античностью. Разумеется, это было пятьдесят с лишним лет назад, когда Оксфорд еще называли городом дремлющих шпилей ⁸¹.

Хаусмен. Наверное, он был тогда восхитительным.

АЭХ. Да. Я чувствовал себя, как Моисей ⁸², который поднялся с равнин Моава на вершину горы Фасга, когда Господь показывал ему всю землю Иудину до самого моря.

Хаусмен. Около нашего дома в Вустершире был холм, который я и мои братья и сестры называли Фасга. Я часто взбирался на него и смотрел на Уэльс и воображал его Землей обетованной, хотя это были всего лишь холмы Кли ⁸³. На го-

---

⁸¹ Город дремлющих шпилей – Оксфорд в описании Мэтью Арнольда (Matthew Arnold, 1822 – 1888). Арнольд – один из любимых поэтов Хаусмена.

⁸² Я чувствовал себя, как Моисей... – См. «И взошел Моисей с равнин Моавитских на гору Нево, на вершину Фасги, что против Иерихона, и показал ему Господь всю землю Галаад до самого Дана, и всю землю Неффалимову, и всю землю Ефремову и Манассиину, и всю землю Иудину, даже до самого западного моря» (Втор. 34: 1 – 2).

⁸³ Кли (Clee) – холмы в Южном Шропшире.

ризонте, на запад от нас, лежал Шропшир.

АЭХ. О... потрясающе. Так вы...

Хаусмен. Хау смен, сэр, из Сент-Джона.

АЭХ. Неожиданный поворот. Где бы нам присесть, пока мы не ударились в философию? Я уже не так молод. А вы, естественно, молоды именно так.

Садятся.

Классические штудии, стало быть?

Хаусмен. Да, сэр.

АЭХ. Вы готовитесь стать полноценной личностью, подготовленной к жизни, человеком со вкусом и моралью.

Хаусмен. Да, сэр.

АЭХ. Наука для нашего материального развития, классика для совершенствования внутренней природы. Красота и добро. Культура. Добродетель. Идеи и нравственная позиция античных философов.

Хаусмен. Да, сэр.

АЭХ. Вздор!

Хаусмен. О!

АЭХ. Оглянитесь. Кажется ли вам, что классики превосходят разумом, добродетелями, вкусом или хотя бы приветливостью естественников?

Хаусмен. Я знаком только с одним человеком с естественнонаучного отделения, и он – лучший из всех.

АЭХ. И знаний у него больше, чем у античных философов.

Хаусмен. Ох!

АЭХ. Те умели распорядиться своими знаниями. Это были лучшие умы. Но ведь и французы – это лучшие повара, и во время осады Парижа, я уверен, крысы были хороши на вкус, как никогда; и все-таки нет причин продолжать есть крыс сегодня, когда доступен *соq au vin*⁸⁴. Единственное, для чего стоит выяснять мнение античных философов по тому или иному поводу, – это исправление искаженного или спорного места в их текстах. Читать поэтов могут быть и другие причины, и я не сбрасываю их со счетов. Поэзия даже способна улучшить вашу внутреннюю природу, если, например, чудесное слияние звуков и смысла в некоторых поэмах Горация внушит вам скромность, когда вы, скажем, готовитесь пополнить свод мировой поэзии собственным творением. Но такой эффект довольно редок. Это ваши книги?

Хаусмен. Да, сэр.

АЭХ. Что у нас тут? (*Рассматривает книги Хаусмена, читает с корешков. Книги так и не открывает.*) Проперций! И... Проперций! И естественно, Проперций.

Хаусмен (*жадно*). Вы его знаете?

АЭХ. Нет, пока нет.

Хаусмен. Он трудный. У него путаные мысли или, во всяком случае, путаная латынь...

АЭХ. Ах, знаю ли я его?

Хаусмен...если верить рукописям, а верить им нельзя, по-

---

⁸⁴ Цыпленок в вине.

тому что все они происходят из одного и того же манускрипта, да и тот отдален от Проперция так же, как мы от короля Альфреда ⁸⁵, палящего пироги. Чудо еще, что первый римский элегик продержался до изобретения печати.

АЭХ. Строго говоря, не первый.

Хаусмен. Совершенно справедливо. Катулл был раньше, но стихи своей Лесбии он писал разными размерами.

АЭХ. Ага!

Хаусмен. Любовьницу Проперция звали Кинфия – «Кинфия первая пленила меня своими очами».

АЭХ. *Cynthia prima suis miserum me cepit ocellis* ⁸⁶. Не забывайте *miserum*.

Хаусмен. Да, *бедного* меня. Так вы его знаете.

АЭХ. О да. Издание Проперция, которое я замышлял в оксфордской юности, должно было заместить все труды предшественников и не оставить места для последователей.

Хаусмен. Это было бы здорово! Я и сам подумывал о таком издании. Понимаете, Проперций так сильно искажен, что, по-моему, даже сегодня над ним еще работать и работать. Ох уж эти издатели! Каждый со своим Проперцием, вплоть до Беренса, – вот он, горячий, прямо со станка! – и

---

⁸⁵ Король Альфред (849-899) – правитель саксонского королевства в Юго-Западной Англии, выдающийся полководец и законодатель. По преданию, спасаясь от вторгшейся вражеской армии, нашел приют у крестьянки. Помогая ей по дому, Альфред сжег пироги, которые она пекла.

⁸⁶ См. «Кинфии глазки меня впервые пленили, к несчастью» (*Проперций*. Элегии, I, 1. Пер. Л. Остроумова // *Катулл. Тибулл. Проперций*. С. 247).

все равно остается ощущение, что в первозданном хаосе его стиля и неразберихе его списков никто и близко не подошел к исходному тексту. Беренс должен был затмить всех, кто писал до него, – разве не для этого издают нового Проперция? Я бы издавал Проперция единственно ради этого, но разве остановишься на Беренсе, если от его *cunctas* в один, один, пять ⁸⁷ только что со стула не падаешь.

АЭХ. Да, его *cunctas* вместо *castas* ⁸⁸невыносима.

Хаусмен. Точно! И это Беренс, который обнаружил *CatullusOxoniensis* в Бодлеанской библиотеке!

АЭХ. Беренс чересчур увлекается рукописями ⁸⁹, которых до него никто не заметил. Он всего лишь человек, а в работе над классиками это помеха. Чтобы защитить переписчика, он готов выставить поэта идиотом. С другой стороны, его конъектуры – жалкое мельтешение, а то и вандализм; но, вообще говоря, его Проперций заслужил бы больших почестей,

---

⁸⁷ Один, один, пять. – Здесь и далее Хаусмен пользуется сокращенной номенклатурой для обозначения текстового фрагмента, т. е. Проперций, Книга первая, элегия 1, стих 5 (I, 1, 5).

⁸⁸ *Cunctas* от *cuncta* – вся; *castas* от *casta* – чистая (*лат.*). Беренс предлагает конъектуру *cunctas* вместо *castas* в Проперций, I, 1, 5. В результате строка Проперция «Любовь научила меня ненавидеть чистых девиц» приобретает значение: «Любовь научила меня ненавидеть всех девиц». См. «Он приохотил меня не любить непорочных красавиц» (*Проперций. Элегии I, 1. Пер. Л. Остроумова*).

⁸⁹ Беренс чересчур увлекается... – Здесь и далее в сцене цитируются замечания Хаусмена в адрес исследователей Проперция, высказанные в нескольких критических статьях, в частности *Emendationes Prop-ertianaе* (*Journal of Philology*, 16, 1888. P. 1 – 35).

не будь Беренс таким суетным и самонадеянным.

Хаусмен (*в смятении*). О... так он хороший или плохой?

АЭХ. Это вам лучше спросить у его матушки. (*Берет другую книгу.*) А вот Пейли⁹⁰ с его *et* вместо *aut*⁹¹ в один, один, двадцать пять. Он, по моему мнению, переоценивает Проперция как поэта, но при этом без угрызений заставляет его молиться о том, чтоб Кинфия полюбила его, *а также* чтоб сам он перестал любить Кинфию! (*Откладывает книгу.*) Хотя не все здесь вызывает насмешку или отвращение.

Хаусмен (*в шоке*). Пейли?

АЭХ. Палмер⁹². Палмер – это другое дело. Он одарен природой сильнее и ярче любого английского латиниста со времен Маркленда⁹³.

Хаусмен. Правда? Значит, Палмер?

АЭХ. При всей его одаренности многие превосходят его точностью мысли и уравновешенностью суждений...

---

⁹⁰ Фредерик Пейли (Frederick Arthorp Paley, 1815 – 1888) – кембриджский ученый-классик. Известен изданиями Эсхила (1847), Проперция (1853), Софокла (1880).

⁹¹ ...*et* вместо *aut*... – «и» вместо «или», конъектура к Проперцию, I, 1, 25, предлагаемая Хемстер-хойсом и принятая Пейли, обсуждается в статье Хаусмена *Emendationes Propertianaе*.

⁹² Артур Палмер (Arthur Palmer, 1841 – 1897) – ученый-классик, профессор Тринити-колледжа в Дублинском университете. Ему принадлежит издание Проперция (1880).

⁹³ Джеремиа Маркленд (Jeremiah Markland, 1693 – 1776) – видный английский латинист. Автор книги «Эссе о различной природе ударения и количества: с примерами и приложениями в английском, латинском и греческом языках»

Хаусмен. О!

АЭХ... прежде прочих – Мунро.

Хаусмен. О да, Мунро!

АЭХ. Но Мунро вы бы не доверили и текст набирать. У Палмера нет интеллектуальной мощи. Длительное напряжение мысли ему недоступно, поэтому он его избегает.

Хаусмен. Но ведь вы сказали...

АЭХ. Он верит своей интуиции. Если интуиция его подводит, то он с несравненным упорством готов защищать очевидную ошибку и отстаивать невероятную конъектуру; к этим-то недостаткам он прибавляет пагубную склонность к непродуманным суждениям.

Хаусмен. Ох! Так, выходит, Палмер...

АЭХ (*со следующей книгой*). А, да. Лжец и холоп. (*Следующая книга.*) Ах, этот: даже собаку можно научить комментировать Проперция лучше его. (*Следующая книга.*) О боже... его представление о редакции такое: поменять в тексте пару букв и посмотреть, что выйдет. Если – с огромными допущениями – результат можно принять за осмысленный и грамматически верный, то он объявляет его исправлением. Это не наука, это даже не спорт вроде игры в классики или в шары, которые требуют известного навыка. Это просто времяпрепровождение; все равно как подпирать стенку и плевать вдаль.

Хаусмен. Но ведь это мистер Эллис! Я ходил к нему на Проперция.

АЭХ. Верно, я его видел. Мне показалось, он выглядит хорошо, слишком хорошо. (*Следующая книга.*) Ах, Мюллер⁹⁴! (*Следующая книга.*) И Хаупт⁹⁵! (*Следующая книга.*) Росберг⁹⁶! Право слово, нет нужды читать все, что написано на немецком в последние полвека. Да и в следующие.

АЭХ небрежно берет записную книжку Хаусмена. Хаусмен несколько неуклюже отбирает ее.

Хаусмен. Это так просто...

АЭХ. Ну конечно. Вы ведь пишете стихи.

Хаусмен. Писал, знаете, как все пишут...

АЭХ. Все пишут.

Хаусмен. Для школьного конкурса. Получилось, кажется, вполне сносно.

АЭХ. Примите поздравления, мои стихи были совершенно несносны.

Хаусмен. Я, собственно, думал подать на Ньюдигейт⁹⁷:

---

⁹⁴ Луциан Мюллер (Lucian Mueller, 1836 – 1898) – немецкий ученый-классик. С 1870 г. – профессор античности в Санкт-Петербургском университете. Автор работ по метрике латинской и древнегреческой поэзии. Издатель Луцилия (1872), Горация (1876) и др.

⁹⁵ Мориц Хаупт (Moritz Haupt, 1808 – 1874) – немецкий ученый, профессор античности в Лейпцигском и Берлинском университетах. Опубликовал издания Овидия (1838), Катулла, Тибулла и Проперция (1868), Вергилия (1873).

⁹⁶ Конрад Росберг (Konrad Rossberg, 1846 -?) – немецкий ученый-классик, опубликовал комментарий к Проперцию в 1883 г.

⁹⁷ Ньюдигейт – студенческий конкурс английской поэзии в Оксфордском университете. Лауреату вручалась премия и предоставлялось право публичного чтения своей поэмы. Тема для сочинения назначалась заранее. В 1872 г. Хаусмен

мне показалось, что поэма, которая выиграла первый приз в прошлом году, была не такая уж... как бы это сказать?

АЭХ. Не такая, чтобы предположить, что вам будет стыдно подать свою.

Хаусмен. Но я не уверен, я не чувствую, что у меня хватит смелости подать на Ньюдигейт. Оскар Уайльд из Магдалены, который выиграл Ньюдигейт и закончил классику с отличием, был зван на чай к Рёскину. Сам Пейтер приходил к нему на чай в *его* комнаты и вел разговоры, наверное, о лилиях, и Микеланджело, и французских романах. За год до Уайльда победил один из Баллиоля, который слал Пейтеру стихи на манер раннегреческих, да еще на такие темы, за которые из Оксфорда выставляют. И доктор Джоуитт надлежащим порядком выставил его – за вполне достойное поведение и за простительный просчет в оценке границ эстетизма. А мне как поставить свою метку? Памятник прочнее бронзы⁹⁸, которым хвалился Гораций, выше царевых пирамид, неподвластный ветру, и непогоде, и самому ходу времен?

АЭХ. Вы мыслите себя в роли поэта или ученого?

Хаусмен. Безразлично.

АЭХ. Лучше бы это вам не было безразлично.

Хаусмен. А разве нельзя стать и тем и другим?

подавал на конкурс поэму «Иона», но не получил первый приз. Оскар Уайльд был награжден призом Ньюдигейта в 1870 г. за поэму «Равенна». Б 1839 г. победителем в конкурсе стал Джон Рёскин.

⁹⁸ Памятник прочнее бронзы... – См. «Создал памятник я, бронзы литой прочней» (*Гораций*. Оды, III, 30. Пер. С. Шервинского / Указ. соч. С. 176).

АЭХ. Нет. По крайней мере, вершин не достичь. Поэтические чувства – сущее бедствие для ученого. Всегда найдутся поэтические натуры, готовые заявить, что та или иная искаженная строка – изысканна. Изысканна для кого? Римляне – это чужестранцы⁹⁹, писавшие два тысячелетия назад для чужестранцев, для людей, чьих богов мы почитаем чудакловатыми, чью дикость мы презираем, чьи интимные повадки мы предпочитаем замалчивать, но чье представление об изысканности, как нам мнится, таинственным образом тождественно нашему.

Хаусмен. Но ведь оно тождественно. Когда мы читаем римлян, у нас захватывает дух в тех же местах, над которыми замирали и наши предки. Поэт пишет своей любимой, как она убила его любовь, «как степной цветок, проходящим плугом тронутый насмерть»¹⁰⁰. Он отвечает на письмо другу: «Так не подумай, что твое письмо забыто, как забывает добрая девушка на коленях яблоко, дар любовника, пока не вскинется на зов матери и не уронит его на пол, с краской на виноватом лице»¹⁰¹. Две тысячи лет пролетели в один миг.

---

⁹⁹ Римляне – это чужестранцы... – Здесь и далее в сцене цитируются отрывки из речи Хаусмена *The Confines of Criticism: The Cambridge Inaugural, 1911* (1969), а также из его статьи *The Application of Thought to Textual Criticism* (Proceedings of the Classical Association, 18, 1922. P. 67 – 84)

¹⁰⁰ «...как степной цветок...» – см. Катулл, XI в переводе А. Пиотровского: «Фурий, ты готов...» (*Катулл. Тибулл. Проперций. С. 32*).

¹⁰¹ «Так не подумай...» – см. Катулл, LXV в переводе А. Пиотровского: «Так не считай, что советы твои, словно ветер летучий, / Словно туман, из души вмиг

Ох, простите меня, я, кажется...

АЭХ. Не стоит извинений. Учиться никогда не поздно.

Хаусмен. Я едва не плачу, когда думаю, как близки они были к гибели: это яблоко и этот цветок, лежа в хламе под давящим прессом. Последний список Катулла, выживший при крушении античной литературы. Этого не забыть. Вы знаете Мунро?

АЭХ. Я когда-то состоял с ним в переписке.

Хаусмен. Я тоже собираюсь ему писать. Вы думаете, он пришлет мне свою фотографию?

АЭХ. Нет. Странная материя – молодые люди. Вам лучше податься в поэты. Литературный пыл никого еще не сделал ученым и многим помешал. Вкус еще не есть знание. Промысел ученого в том, чтобы приумножать познанное. Только и всего. Но в этом кроется высокое счастье, ибо знание – благо. Оно не должно быть благим на слух или на вид, не должно даже приносить благо. Знание – благо в силу своей природы. Суть знания в его истинности. Знания не бывает слишком много, и любая его крупица достойна внимания. Одна запятая вместит в себя истину и ложь. В вашем тексте «Свадьбы Пелея и Фетиды» Катулл говорит, что Пелей – покровитель

ускользнули моей, / Так, тихонько скользнув, из-за пазухи девушки скромной / Яблоко падает вдруг – тайный подарок любви. / В страсти забыла бедняжка, что скрыто за тонкой холстинкой. / Видит, что мать подошла. В страхе вскочила. Бежит, / Яблоко катится быстро, стремится шурша по наклону, / На виноватом лице вспыхнул румянец стыда» (Там же. С. 115).

Эматии, *Emathiae tutamen opis*¹⁰², запятая, *carrisimena-to*. Как может быть Пелей *carrisimenato*, самым дорогим для своего сына, если его сын еще не рожден?

Хаусмен. Я не знаю.

АЭХ. Быть ученым – значит навести палец на страницу и произнести: «Тебе место здесь, тебе – здесь»¹⁰³.

Хаусмен. Запятая стоит не на месте, правда? Ведь в *Oxoniensis* нет запятых, равно как и заглавных букв, что тоже важно...

АЭХ. Не сейчас, сестра, дайте ему закончить.

Хаусмен. Стало быть, *opis* – это не «власть» с маленькой о, а родительный от *Ops*, Опы, матери Юпитера. Переносишь запятую на одну позицию назад, и все становится ясно.

АЭХ. *Emathiaetutamen*, запятая, *Opisc* заглавной «О», *carrissimenato*. Покровитель Эматии, самый дорогой для сына Опы.

Хаусмен. Так правильно?

АЭХ. О да. Это правильно, поскольку правдиво, – Пелей, покровитель Эматии, был дороже всех для Юпитера, сына Опы. Изъяв запятую и водворив ее на другое место, ученый извлекает смысл из бессмыслицы в поэме, которую читают

---

¹⁰² *Emathiae tutamen ops...* – см. Катулл, LXIV в переводе С. Шервинского: «Ты, о Гематии столп, о муж, прославленный сыном» (Там же. С. 110). Перевод Шервинского воспроизводит те неточности, о которых говорит Хаусмен. *Эматия* – греческое название Македонии.

¹⁰³ «Тебе место здесь, тебе – здесь» – цитата из «Памятных стихов» Мэтью Арнольда – поэмы, посвященной Гете.

беспрестанно с тех пор, как она была издана с опечаткой четыреста лет назад. Маленькая победа над неведением и заблуждением. Наши запасники пополнились частицей знания. Что вам это напоминает? Разумеется, науку. Филология – это наука, предмет которой – литература; как ботаника – это наука о цветах, зоология – о животных, а геология – о камнях. Коль скоро цветы, животные и камни суть природные объекты, мы называем соответствующие науки естественными; истинность этих наук поверяется наблюдением и измерением. Коль скоро литература – это продукт небезупречных пальцев и человеческого разума со всей его хрупкостью и зыбкостью, филологическая наука должна учитывать степень правдоподобия разных версий, тем более что верность результата мог бы оценить один только автор, умерший сотни или тысячи лет назад. И все же это наука, а не сакральное таинство. Разум и здравый смысл, близкое знакомство с поэтом, полное владение языком оригинала, осведомленность в античном письме ради все тех же неверных пальцев писца, концентрация, собранность, врожденная смекалка и укрощенное самоволие – вот хорошая основа для начинающего филолога. Иными словами, почти всякий может стать ботаником или зоологом. Филология есть венец и вершина науки. Многие, хотя и недостаточно многие, находят ее сухой и скучной, но филология – это то единственное, для чего стоит становиться профессором латыни. Я это говорю затем, что в английских университетах вы такого не услы-

шите. Выдумки и жульничество, подтасовки и откровенное вранье, которые под именем науки шествуют из одного журнала в другой, – им позавидуют уличные торговцы патентованными средствами. В немецких университетах история другая. Большинство немецких ученых я поместил бы в Институт механики; остальных – в Институт статистики. Кроме Виламовица ¹⁰⁴ – величайшего европейского ученого после Ричарда Бентли ¹⁰⁵. Некоторые говорят, что это я – величайший, но даже если так, не им об этом судить. Виламовиц, я должен добавить, умер. То есть умрет. То есть некогда умрет в вашем будущем. Думаю, пора принять таблетку, она приведет мои глаголы в порядок. Будущее совершенное мне всегда казалось оксюмором. На вашем месте я не стал бы так уж заботиться о памятнике. Если бы молодость вернулась ко мне, я обращал бы больше внимания на сти-

---

¹⁰⁴ Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф (Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff, 1848 – 1931) – выдающийся немецкий ученый-классик. Специалист по античной текстологии, эпиграфике, метрике. Автор переводов, комментариев и исследований творчества нескольких древнегреческих авторов, в том числе Гомера, Гесиода, Пиндара, Платона и Аристотеля. Относясь подчеркнуто пренебрежительно к работам немецких коллег, Хаусмен высоко оценивал вклад Виламовица в классическую филологию.

¹⁰⁵ Ричард Бентли (Richard Bentley, 1662 – 1742) – виднейший английский ученый-классик. Один из основателей европейской текстологической школы. Автор фундаментальных исследований и комментариев к античным авторам, включая Горация, Теренция и Манилия. Один из немногих ученых, чей авторитет Хаусмен признавал.

хи Горация ¹⁰⁶, где он говорит, что молодость к вам не вернется. Жизнь коротка, а смерть безучастно колотит в дверь. Кто знает, сколько завтрашних дней даруют нам боги? Сейчас, пока вы молоды, время украшать волосы миртом, пить лучшее вино, собирать плоды. Времена года и луны рождаются заново, но ни благородное имя, ни красноречие, ни даже праведные деяния не возродят нас. Ночь пленяет Ипполита, не запятнанного пороком, Диане его ничем не удержать, он должен остаться; и Тезей покидает Пирифоя в узах, которых не порвать товарищеской любви.

Хаусмен. Что это?

АЭХ. Оговорка.

Хаусмен. Это «*Diffugere nives*». *Nec Lethaea valet Theseus abrumpere cum vincula Pirithoo*. И Тезей не в силах разбить летейские узы своего возлюбленного Пирифоя.

АЭХ. Ваш перевод ближе.

Хаусмен. Они были товарищами – Тезей и Пирифой?

АЭХ. Да, соратниками.

Хаусмен. Соратники! *Vom* что бередит душу! Есть ли любовь крепче любви товарищей, готовых жизнь положить друг

---

¹⁰⁶ АЭХ переводит концовку оды Горация *Diffugere Nives*: «Ибо Диана сама своего Ипполита не в силах / Вывести из царства теней, / И не способен Тезей сокрушить оковы, в которых / Страждет давно Пирифой» (*Гораций*. Оды, IV, 7. Пер. А. Семенова-Тян-Шанского / Указ. соч. С. 192). Хаусмен опубликовал свой перевод оды Горация в сборнике *More Poems*, V. По воспоминаниям кембриджских студентов Хаусмена, он единственный раз прочел оду Горация вместе со своим переводом на лекции в мае 1914 г. и назвал ее «самым прекрасным стихотворением античной поэзии».

за друга?

АЭХ. О господи!

Хаусмен. Я не о скабрзностях говорю, вы понимаете.

АЭХ. А, не такая товарищеская любовь, за которую выставляют из Оксфорда...

Хаусмен. Нет!

АЭХ. Не такая, как у лириков: «Когда ты любезен, я провожу день как бог; когда ты отворачиваешь лицо, мне все темно»¹⁰⁷.

Хаусмен. Нет, я имею в виду дружбу – добродетель – та, что была среди героев Греции.

АЭХ. Само собой, среди героев Греции.

Хаусмен. Аргонавты... Ахилл и Патрокл.

АЭХ. О да. Ахилла, верно, взяли бы в университетскую команду борцов. Ясон и аргонавты хорошо бы смотрелись на Восьмерке¹⁰⁸.

Хаусмен. Что же, по-вашему, они заслуживают осмеяния?

АЭХ. Нет. Нет.

Хаусмен. О, я прекрасно знаю, что есть вещи, которые замалчивают в четырех оксфордских стенах. Страсть к правдоискательству – бледнейшая из людских страстей. В биб-

---

¹⁰⁷ «Когда ты любезен, я провожу день как бог...» – см. «Только ты пожелал – провожу я в блаженстве день, / Ты не хочешь – тогда погружаюсь я вновь во мрак». {Феокрит. Идиллия XXIX // Феокрит. *Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы*. Пер. и коммент. М. Е. Грабарь-Пассек. М: Изд-во АН СССР, 1958. С. 131).

¹⁰⁸ Восьмерка – серия соревнований по гребле в Оксфорде, обычно проводилась весной.

блиотеке моего колледжа, в переводе из Тибулла, *он*, любовник поэта, заменен на *она*; а потом, когда вы доходите до части, где «*она*» уходит с чьей-то женой, переводчика будто лихорадит – он эту часть опускает. Гораций был богоравен, когда писал *Diffugereraves*, – снега сошли, и времена катятся по кругу год за годом, но для нас, когда наш черед пройдет, возврата нет! – в английском так слова не составишь, даже не подступишься...

АЭХ.

Но в небесах за луною луна обновляется вечно, –
Мы же в закатном краю,
Там, где родитель Эней, где Тулл велелепный и
Марций, –
Будем лишь тени и прах. ¹⁰⁹

Хаусмен (*радостно*). Да, безнадежно, не правда ли? Остается лишь безмолвствовать, когда ты попал в силки, расставленные между твоим прошлым и настоящим. Однако вернитесь на несколько страниц, и вы застанете Горация плачущим о каком-то атлете. В мечтах поэт бежит за ним через Марсово поле в катящиеся волны Тибра! Гораций! У которого в стихах столько девушек; и он еще невинен в сравнении с Катуллом. Тот *безумно* влюблен в Лесбию, а в промежутке откровенно... гм... крадет поцелуи у мальчика, кото-

---

¹⁰⁹ см. *Гораций*. Оды, IV, 7. Пер. А. Семенова-Тян-Шанского / Указ. соч. С. 191 – 192.

рый в Бромсгроуве еще и до старших классов не дошел бы.

АЭХ. Катулл, девяносто девять. Там есть интересный вопрос: *vester* вместо *tuus* ¹¹⁰.

Хаусмен. Не то!

АЭХ. Простите?

Хаусмен. Интересный вопрос в другом: что есть добродетель? Что есть добро и красота, истинные и непреложные?

АЭХ замечает на скамье лавровый венок. Он машинально подбирает его.

АЭХ. Вы думаете, что на это есть ответ: потерянный автографический список смысла жизни, который мы возьмем и освободим от искажений, превративших его в бессмыслицу? Но если такого списка нет, то – истинно и непреложно – нет и ответа. Все дело во времени. У Гомера Ахилл и Патрокл были товарищами, храбрыми и не запятнанными пороком. Столетия спустя, в пьесе ныне утерянной, Эсхил привнес в эту историю Эрос, что сегодня, подозреваю, истолковали бы как крайнюю скабрёзность: обилие поцелуев и безупречные чресла. А Софокл? Он написал «Поклонников Ахилла» ¹¹¹ – там, подозреваю, непотребства побольше, чем в веселом доме. Тоже утеряно.

Хаусмен. Откуда эти пьесы известны, если они утеряны?

АЭХ. Их упоминали критики.

---

¹¹⁰ *Vester* – ваш; *tuns* – твой (*лат.*).

¹¹¹ «Поклонники Ахилла» – утерянная пьеса Софокла, из которой известна одна строка.

Хаусмен. В те времена были критики?

АЭХ. Естественно, это же колыбель демократии. Еврипид сочинил «Пирифоя», последний список которого, должно быть, прошел сквозь кишки неизвестной крысы тысячу лет назад, если не был сожжен попами. Представления Церквы о добре и красоте исключают половые извращения: девственность не в счет – потому, надо думать, она из всех извращений самая редкая. Что это? (*Подносит к глазам лавровый венок.*)

Хаусмен. Это, собственно, мой.

АЭХ. В таком случае возьмите его.

Быть быстрее бегуном, сильнее борцом, лучшим копьёметателем – вот что считалось добродетелью, когда Гораций гнался в мечтах за Лигурином по Марсову полю, и незастигнутый Лигурин не терял своей добродетели. Добродетель была прикладной: атлетическое поле называли по имени бога войны. Если бы только собрать армию из любовников и их возлюбленных! Это не я, это Платон, вернее, Федр в ловком переводе ¹¹² Мастера Баллиоля: «Хотя бы их была горстка, такие люди одолели весь мир: ведь каждый

---

¹¹² Хаусмен приводит парафраз не из «Федра», но из «Пира» Платона: «...» такие люди даже и в малом числе побеждали бы, как говорится, любого противника: ведь покинуть строй или бросить оружие влюбленному легче при ком угодно, чем при любимом, и нередко он предпочитает смерть такому позору; а уж бросить возлюбленного на произвол судьбы или не помочь ему, когда он в опасности, – да разве найдется на свете такой трус, в которого сам Эрот не вдохнул бы доблесть, уподобив его прирожденному храбрецу?» {Платон. Пир, 179а. Пер. С. К. Апта / Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С 88).

скорее принял бы тысячу смертей, чем оставил строй или бросал оружие на глазах у возлюбленного; наитрусливейший был бы вдохновлен любовью». Пусть их глумятся; софистика грязных стариков всегда осудит молодых и прекрасных. Тогда, как и сейчас, идеалы пытались принизить. Армия такая действительно была ¹¹³, сто пятьдесят пар любовников, Священный отряд фиванских юношей, и они были непобедимы до тех пор, пока свобода Греции не сгнула в битве под Херонеей ¹¹⁴. В конце того дня, говорит Плутарх, победоносный Филипп Македонский вышел, чтобы увидеть павших, и, когда он прошел к месту, где триста воинов сражались, а ныне и покоились вместе, в нем проснулось любопытство; поняв, что это был отряд любовников, он пролил слезы и сказал: кто помыслит низменное о деяниях этих людей, да погибнет.

Хаусмен. Я стал бы кому-то таким другом.

АЭХ. Мечтать о том, чтобы принять грудью меч, подставить голову под пулю...

---

¹¹³ АЭХ неточно воспроизводит фрагмент из «Пелопида» Плутарха: «Существует рассказ, что вплоть до битвы при Херонее он (отряд. – В. К.) оставался непобедимым; когда же после битвы Филипп, осматривая трупы, оказался на том месте, где в полном вооружении, грудью встретив удары македонских копий, лежали все триста мужей, и на его вопрос ему ответили, что это отряд любовников и возлюбленных, он заплакал и промолвил: „Да погибнут злою смертью подозревающие их в том, что они были виновниками или соучастниками чего бы то ни было позорного"» (*Плутарх*. Пелопид, XVIII. Пер. С. П. Маркиша / Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 369).

¹¹⁴ В битве под Херонеей (338 до н.э.) Филипп, царь Македонии, разбил объединенную армию Афин и Фив, тем завершив разгром Эллады.

Хаусмен. Я смог бы.

АЭХ...и очнуться, чтобы обнаружить, что мир гнусно продолжает жить, а ты умираешь от старости, не от боли.

Хаусмен. Но...

АЭХ. Сложи жизнь за товарища – брось ее наземь как цинковку...

Хаусмен. Ох...

АЭХ. Оставь ее за доброе слово и улыбку, как оставляют на столе игральную карту, – отложи ее, как откладывают бутылку лучшего вина на тот день, когда твоя дурацкая жизнь окончится; можем ли мы помыслить о какой-нибудь еще жертве? – о да, прежде всего – *прежде всего* – брось свою жизнь, как мешок на обочине дороги, хотя дни твоего похода и так сочтены, и предел их – могила. Любовь не изменит своим проказам, назови ее дружбой или как угодно еще.

Хаусмен. Я не знаю, что такое любовь.

АЭХ. Отчего же, знаете. В Средневековье, в Македонии, в последнем меркнущем отсвете классической древности некто по имени Септимий ¹¹⁵ скопировал отрывки старых книг для своего сына; поэтому мы располагаем одним предложением из «Поклонников Ахилла». Любовь, говорит Софокл, как лед в детских руках. Осколок льда, крепко сжатый в кулаке. Я хотел бы помочь вам, но мне это не дано.

---

¹¹⁵ Луций Септимий – автор латинского перевода несохранившегося дневника Диктиса Критянина, участника Троянской битвы. Предполагается, что «перевод» Септимия (IV в.) является фальсификацией и оригинальный дневник на древнегреческом не существовал.

Хаусмен. Значит, это любовь. Я приму ее. Мне жаль, что вы несчастливы, но в этом нет моей вины. Чужим несчастьем вашего не излечишь. Вы подадите мне руку?

АЭХ. Охотно. (*Пожимает протянутую Хаусменом руку.*)

Хаусмен. Что случилось в конце с Тезеем и Пирифоем?

АЭХ. Это и был конец. Последнее путешествие вело их в Аид; их изловили и заковали в невидимые цепи. Тезей в итоге был освобожден, но ему пришлось оставить друга. В узах, которых не сорвать товарищеской любви.

Хаусмен. *Abrumpere*¹¹⁶здесь неудачно. На его месте я бы сказал «не раззять».

АЭХ. На его месте вы бы и Ньюдигейта не выиграли.

Хаусмен. Я и думаю, что мне не выиграть. В этом году тема из Катуллы: плач по золотому веку, когда боги спускались навестить нас, пока мы не пошли дорогою зла.

АЭХ. Превосходная тема для поэмы. Ложная ностальгия. Рёскин говорил, что до железных дорог в Дербишире было видно, как Музы танцуют перед Аполлоном.

Хаусмен. Где это он говорил?

АЭХ (*указывает*). Здесь.

Под этой скамейкой есть горшок?

Хаусмен. А?... Нет.

АЭХ. Наверное, это плохая мысль.

Выходит, что мы всегда живем в чьем-то золотом веке,

---

¹¹⁶ Отрывать, срывать (*лат.*).

даже Рёскин, который смотрит так мрачно. Он – бука: хмурится на все, что ни попадется ему на глаза, и все хмурится ему в ответ. От этого и впрямь лишишься рассудка. Жизнь для Рёскина – как дорожное происшествие: он только и знает, что, беснуясь, зовет врачей, отводит в сторону встречный транспорт и требует обуздать движение законным порядком. В этом соль его искусствоведения.

Хаусмен. В первом семестре в Оксфорде я слушал лекции Рёскина. Конец он принял безумным.

АЭХ. Боюсь, мы можем пойти по кругу.

Встает. Хаусмен подбирает книги. Пейтер и Бал-лиольский Студент входят как прежде.

Пейтер. Очаровательно сказано. Когда вернусь домой, я пристальней взгляну на вашу фотографию.

Уходят.

АЭХ. Так и есть.

Пейтер в чужие дела не лезет, его дело маленькое, он всегда в сторонке. Когда *он* смотрит на вещь, она тает: Пейтер весь в тонах, резонансах, в переплетениях, в ловле мгновений – и все ради себя. Жизнь не для того, чтобы ее понимать, но чтобы ее сносить и украшать. Из вас выйдет толк, так или иначе. Я тоже уверенно шел на высший балл ¹¹⁷.

---

¹¹⁷ Высший балл – в конце курса обучения по результатам экзаменов студенты получали оценки по следующей шкале: первый класс, второй и третий. Первый класс – высшая отметка, большинство сдавало на второй класс. Не сдавшим на класс вручалось свидетельство об окончании университета. Поллард и Уайльд окончили со степенью первого класса. Хаусмен провалил экзамены, на следую-

Хаусмен. Вы его не получили?

АЭХ. Нет. Не получил – ни хорошего, ни среднего, ни даже проходного.

Хаусмен. Вы *провалили*?

АЭХ. Да.

Хаусмен. Но как?

АЭХ. Все хотели знать – как.

Хаусмен. О...

Джексон (*за сценой*). Хаусмен!

Поллард (*за сценой*). Хаусмен!

Хаусмен. Что же было потом?

АЭХ. Я стал чиновником и поселился на квартире в Бейзуотере.

Поллард (*за сценой*). Хаус! Пикник!

Джексон (*за сценой*). Акриды! Мед!

Хаусмен. Извините, меня зовут. Вы закончили своего Проперция?

АЭХ. Нет.

Хаусмен. Он все еще у вас?

АЭХ. О да. В коробке с бумагами, которую я велел сжечь после смерти.

Джексон и Поллард подплывают на лодке.

Хаусмен (*в сторону лодки*). Я здесь. АЭХ. Мо!...

Поллард. Пора.

Хаусмен подходит к лодке и перебирается в нее.

АЭХ. Я бы умер за тебя, но счастье меня обошло!

Хаусмен. Куда мы плывем?

Поллард. В Аид. Я принес Платона – поучишь со мной?

Хаусмен. Я в него даже не заглядывал. Платон ничего не объясняет, кроме собственных мыслей.

Джексон. Зачем тогда его изучать?

Поллард. Мы изучаем античных авторов, чтобы извлекать у них уроки для настоящего.

Хаусмен. Вздор.

Поллард. Вот как? Пусть. Мы изучаем античных авторов, чтобы закончить с отличием и вести жизнь ученого с приятной легкостью.

Хаусмен. Чтобы объяснять мир, мы нуждаемся в науке. У Джексона знаний больше, чем у Платона. Следовательно, единственная причина изучать, что и по какому поводу думал Платон, – это восстановление его текста. Что и является сутью критики классических текстов, каковая, в свою очередь, является наукой, а именно филологией. Джексон, мы вместе будем учеными. То есть мы оба будем учеными. А Поллард станет тем, что считают классическим филологом в Оксфорде, – критиком литературы на древних языках.

Поллард. Послушай, ты видел в «Скетче»¹¹⁸ последнюю из уайльдовских шуток? «Ох, как тяжело я проработал целый день – утром поставил запятую, а вечером убрал!» Разве это не восхитительно?

---

¹¹⁸ «Скетч» – *The Daily Sketch*, английская литературная газета XIX в.

Хаусмен. Почему?

Поллард. Что?

Хаусмен. А, понимаю. Это была шутка?

Поллард. Право слово, Хаусмен!

Лодка уносит их. Хаусмен бросает лавровый венок в воду.

Держи правее, Джексон.

Джексон. Хочешь взять весла?

АЭХ. *Parce, precor, precor.* Оды, четыре, один. Ах ты, Венера, старая сводня. Где мы были? О, вот где мы все! Хорошо. Откройте вашего Горация. Книга четвертая, ода первая¹¹⁹, молитва богине любви:

Intermissa, Venus, diurursus bella moves?

Parce precor, precor!

«Смилуйся, я молю, я молю! или лучше: пощади, я умоляю, я умоляю!» Эти же слова я произнес, когда увидел, что мистер Фрай пребывает в убеждении, будто *bella* – это прилагательное, значащее чуть ли не «прекрасная», которое столь же естественно подходит к Венере, как бекон к яичнице.

---

¹¹⁹ Книга четвертая, ода первая, молитва богине любви... – «Ты ль, Венера, опять меня / Вызываешь на бой? Сжался, молю, молю!» (*Гораций*. Оды, IV, 1. Пер. Г.Церетели / Указ. соч. С. 177). Латинский синтаксис позволяет несколько прочтений для этой фразы: *bella Venus, diu intermissa, rursus moves?* (прекрасная Венера, прервавшись после долгого промежутка,двигаешься ли ты снова?). Или: *Venus, rursus moves diu intermissa bella?* (Венера, подвигаешь ли ты меня к войне опять, после долгого перерыва?)

*Intermissa, Venus, diu
rursus bella moves?*

«Прекрасная Венера, прервавшись, движешься ли ты опять?» Мистер Фрай придает вопросу Горация редкостный идиотизм, а Гораций мертв, как и все мы будем мертвы но, пока я жив, я за него заступлюсь. Это война, мистер Фрай! Война есть *bella*. Венера, движешь ли ты войну? приводишь ли ты в движение войну? – сказали бы мы, затеваешь ли ты войну? или еще лучше: Венера, зовешь ли ты меня к оружию, *rursus*, опять, *diu*, после долгого времени, *intermissa*, после перерыва или после задержки, если вам угодно, и что же, по-вашему, было задержано? Два столетия назад Бентли прочел *intermissa* в связке с *bella*: отложена была война, мистер Фрай, а не Венера, и – да, и вы, мистер Карсен, а также и вы, мисс Фробишер, доброе утро, вы ведь извините, что мы начали без вас, – и теперь все становится ясно, не так ли? Через десять лет после того, как поэт объявил в Книге третьей, что он отказывается от любви, он вновь ощущает желание и просит пощады: «Венера, зовешь ли ты меня вновь к оружию после долгого перемирия? Пощади меня, умоляю тебя, умоляю тебя!» Мисс Фробишер улыбается по причине мне неизвестной. Если бы Иисус Назорей имел перед собой пример мисс Фробишер, сдающей на диплом латиниста Экзаменационному совету Лондонского универси-

тетского колледжа, ему не понадобилось бы прибегать к верблюдам и игольным ушкам ¹²⁰, а имя мисс Фробишер неожиданно обнаружилось бы в стихе девятнадцать в Евангелии от Матфея, как и еще более неожиданное имя Лондонского университетского колледжа. Ваше имя не мисс Фробишер? Как ваше имя? Мисс Бертон. Я нижайше прошу прощения. Принимаю поправку. Если бы Иисус Назорей имел перед собой пример мисс Бертон, сдающей... О боже, я надеюсь, вы не из-за меня плачете. Вам все равно? Вам безразлично, что я заставил вас плакать? О, мисс Бертон, вам хоть что-то должно быть безразлично. Вся жизнь в том, чтобы различать. Вот пятидесятилетний Гораций притворяется, что ему безразлично, строка двадцать девять, *me nec feminanec puer, iam nec spes animi credulam utui* – где здесь глагол? кто-нибудь? *iuvat*, спасибо, меня не восхищает, что? ни женщина, ни мальчик, ни *spes credula*, легковверная надежда, *animi utui*, доверчивая надежда на возвращение любви, *nec*, ни, это уже четвертое «ни», пятое будет перед «но», поэтому мы и называем такой текст поэтическим, – *nec certare iuvat met* – состязания в винопитии, пока обойдемся этим, и *nec* – что? – *nec vincire novis tempora floribus*, истолкованное мистером Ховардом как привязывание новых цветов к голове, Теннисон от таких слов удавился бы, – не важно, перед нами

---

¹²⁰ см. в Нагорной проповеди: «Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мат. 19: 23 – 24).

безразличный Гораций ¹²¹: я не вижу удовольствия ни в женщине, ни в мальчишке, ни в доверчивой надежде на возвращение любви, ни в состязательном винопитии, ни в украшении чела венком из свежесорванных цветов – *no – sed – cur hei, Ligurine, cur...*

Джексон бежит в нашу сторону из темноты, не приближаясь.

...но почему, Лигурин, почему, увы, эта непривычная слеза стекает по моей щеке? – почему гибкий язык спотыкается и немеет, когда я говорю? Ночью, во сне, я крепко обнимаю тебя, я бегу за тобой по Марсову полю, я следую за тобой в бурные воды, но ты не ведаешь жалости.

Темнота.

---

¹²¹ Безразличный Гораций. – Здесь и далее в сцене АЭХ цитирует и переводит Горация (*Гораций*. Оды, IV, 1. Пер. Г. Церетели / Указ. соч. С. 178):<...> Мне же девы и отроки Чужды; больше надежд нет на взаимную Силу страсти; пиры претят; И чела не хочу я обвивать венком. Но – увы! – почему слеза По щеке у меня крадется робкая? Почему среди слов язык Так позорно молчит, он, что молчанью враг? Лигурин, не тебя ль во сне Я в объятьях держу, или по Марсову Полю вслед за тобой несусь, Иль плыву по волнам, ты ж отлетаешь прочь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вершина Фасги на закате. Хаусмен, двадцати двух лет, и Кэтрин Хаусмен ¹²², девятнадцати, смотрят на запад. Ветерок.

Хаусмен... Всю землю Галаад до самого Дана, и всю землю Неффалимову, и всю землю Ефремову и Манассиину, и всю землю Иудину, даже до западного моря, но не Уэльс, который отдаю методистам.

Кейт. Что же произошло, Альфред?

Хаусмен. Все хотели это знать.

Кейт. Тут не до шуток. Все боятся тебя теперь, кроме меня, да и я тоже боюсь. Для отца это удар – хотя к ударам ему не привыкать. У нас теперь скупятся, ходят на цыпочках, зимой разжигают одну печку. У Клеменс каждый грош на счету. А ведь мистер Миллингтон всегда говорил: будь она мальчиком, он был бы рад видеть ее среди своих шестиклассников.

Хаусмен. По мнению Миллингтона, худшее, что могло со мной стрястись, – это хорошая выпускная отметка вместо

---

¹²² Кэтрин Хаусмен Саймоне (Katharine Housman Symons, 1856 – 1945) – сестра А. Э. Хаусмена, автор исторических очерков и мемуаров. Базиль Хаусмен (Basil W. Housman, 1864–1931) – брат А. Э. Хаусмена, медик. Клеменс Хаусмен (Clémence A. Housman, 1861 – 1955) – сестра А. Э. Хаусмена, художница, писательница, суфражистка.

отличной. Что ж, он ошибался. Да, он просил меня время от времени вести уроки латыни в шестом классе – этакий акт милосердия. Я буду преподавать маленькому Базилю.

Кейт. Мне бы хотелось, чтобы ты поучил меня, – я не такая уж тупица. Как-то раз ты собрал нас на лужайке, чтобы показать солнце и планеты. Я была Землей и выделявала пируэты вокруг Лоренса ¹²³, а ты бегал за мной по кругу и изображал Луну. И по сей день это все, что я знаю из астрономии. Так, значит, ты будешь учителем?

Хаусмен. Только пока не пройду экзамена на государственную службу ¹²⁴.

Кейт. На государственную службу?

Хаусмен. Буду чиновником Ее Величества.

Кейт. Как дипломат?

Хаусмен. Точно. Или как почтальон. Мой друг Джексон поступил в Бюро патентов Ее Величества. Читальный зал Британского музея там неподалеку. Я собираюсь продолжать занятия классикой. Посмотри-ка на Кли, какими синими

---

¹²³ Лоренс Хаусмен (Laurence Housman, 1865 – 1959) – брат А. Э. Хаусмена, писатель, драматург и художник-иллюстратор. Автор более ста романов, пьес и поэм, наиболее известен пьесами о Викторианской эпохе. Автор биографии А. Э. Хаусмена и издатель посмертных поэтических сборников брата.

¹²⁴ Экзамен на государственную службу. – По закону, принятому в 1870 г., набор на государственную службу в Великобритании проводился на конкурсной основе. Открытый экзамен составлялся особой королевской комиссией на базе учебного курса частных школ, Оксфорда и Кембриджа. Лица, показавшие хороший уровень общих знаний, в том числе в классических дисциплинах, получали преимущество перед кандидатами с практической подготовкой.

становятся холмы, когда заходит солнце!

Кейт. Ах да! Наша Земля Обетованная!

Хаусмен. Я перестал верить в Бога, кстати.

Кейт. Ох уж мне эти оксфордские штучки.

Хаусмен. Я ждал у реки друзей, Джексона и Полларда.

Джексона ты не знаешь. Поллард – это тот, кто к нам однажды приезжал. Мама осудила его за то, что он не сумел незаметно для нее подойти к двери уборной, не смог прокрасться как положено... Я ждал их на скамейке у реки, и меня осенило, что я одинок и помощи ждать неоткуда.

Кейт. Мама умерла бы, если б услышала тебя.

Хаусмен. Я не буду упоминать это в семейных молитвах.

Кейт. В Оксфорде ты поумнел. Ты хоть помнишь, какой была наша мама?

Хаусмен. Да, когда она болела, я все время сидел рядом с ней. Мы вместе молились, чтобы она поправилась, и она говорила со мной так, будто я совсем взрослый.

Кейт. Она ведь тебя слышит.

Хаусмен. В *это* я перестал верить, когда мне было тринадцать.

Кейт. Тогда ты просто наказывал Бога за то, что она умерла.

Хаусмен. И клянусь Богом, Ему еще нести наказание.

Темнота.

Свет на поющего Банторна ¹²⁵ из «Пэйшенс» Гилберта ¹²⁶

---

¹²⁵ Реджинальд Банторн (Reginald Bunthorne) – главный герой оперетты «Пэй-

и Салливана ¹²⁷.

Банторн (*поет*).

Чернь кишит толпою серой,
Ты ж, апостол новой веры,
Стань эстет, среди лучших – свой,
Вознося над Пикадилли
Пламя маков, снежность лилий
Ренессансною рукой... ¹²⁸

Банторн уходит.

Ночная вокзальная платформа, ветка подземно-наземной железной дороги.

Двадцатитрехлетний Хаусмен и двадцатичетырехлетний Джексон в служебных костюмах ожидают поезда. У Хаусмена в руках «Филологический журнал», у Джексона – вечерняя газета.

Джексон. Это было величественно, не так ли? Настоящая

шенс, или Невеста Банторна» Гилберта и Салливана (1881). Банторн – эстет и денди, эпатирует публику стилем одежды и поведением. Оперетта «Пэйшенс» открыла первый сезон в лондонском театре «Савой». Прототип Банторна, Оскар Уайльд, сопровождал труппу в гастролях по США.

¹²⁶ Уильям Гилберт (William Schwenk Gilbert, 1836 – 1911) – английский драматург и комедиограф. Автор сатирических либретто к опереттам Салливана. Оперетты Гилберта и Салливана на протяжении нескольких десятилетий пользовались огромной популярностью среди британской и мировой публики.

¹²⁷ Сэр Артур Салливан (Sir Arthur Sullivan, 1842 – 1900) – английский композитор. Наиболее известен как автор комических оперетт.

¹²⁸ Перевод П. Сошкина.

веха, Хаус!

Хаусмен. Мне кажется, это было... довольно мило...

Джексон. Довольно мило? Это же перелом! Д'Ойли Карт¹²⁹ сделал театр *современным*.

Хаусмен (*удивленно*). Ты имеешь в виду, Гилберт и Салливан?

Джексон. Что? Нет. Нет, *театр*.

Хаусмен. А, понимаю.

Джексон. Первый театр, полностью освещенный электричеством!

Хаусмен. Милый старина Мо...

Джексон. Новый «Савой» Д'Ойли Карта – это триумф.

Хаусмен. Ты – единственный лондонский театральный критик, достойный своего имени. «Новый, электрифицированный „Савой“ – это триумф. Презренный, освещенный мерцающим газом Сент-Джеймс...»

Джексон (*одновременно*). А, я знаю, ты просто дразнишь меня...

Хаусмен. «...сумеречный зловонный Хей-маркет... ненаучный Адельфи...»

Джексон. Но ведь это было восхитительно, правда, Хаус? Всякий век думает, что он модерный, а на самом деле – только наш. Электричество изменит все. Все! Нам сегодня при-

---

¹²⁹ Ричард Д'Ойли Карт (Richard D'Oyly Carte, 1844 – 1901) – английский антрепренер. Импресарио Гуно, Лекока, Оффенбаха, Гилберта и Салливана. Основатель и директор оперного театра «Савой» в Лондоне, специально предназначенного для постановок Гилберта и Салливана.

слали электрический корсет.

Хаусмен. Он что, лампочками загорается?

Джексон. Я никогда так раньше не думал, но в каком-то смысле Бюро патентов стоит у самых врат нового века.

Хаусмен. Эксперты по электрическим спецификациям, может быть, и стоят, но у нас в Торговых марках все иначе. Ко мне сегодня пришли леденцы от кашля, запрос на регистрацию торговой марки в виде изысканно скорбного жирафа. Это задело весьма тонкие материи в регистрационном уставе. Выяснилось, что, вообще говоря, у нас уже учтен жираф с двенадцатью целлюлоидными воротничками разных стилей на шее, но – в этом весь фокус – мы регистрировали *счастливого* жирафа, по сути самодовольно ликующего жирафа. Возникает вопрос: является ли наш жираф платоническим? должны ли все богоданные жирафы *in esse et in posse*¹³⁰ быть отнесены к компании «Новые воротнички Хаундстича»?

Джексон. Значит, это правда – классическое образование везде выручит.

Хаусмен. Я посоветовался с коллегой Чемберленом – он составляет новый указатель, – мне кажется, он слегка не в себе, этот Чемберлен, он поместил Иоанна Крестителя в «Мифологические персонажи»...

Джексон. Знаешь, что о тебе говорят?

Хаусмен...а монаха с пивной кружкой – в «Библейские

---

¹³⁰ Сущие и возможные (*лат.*).

герои».

Джексон. Может, скажешь мне, что произошло?

Хаусмен. О, мы решили в пользу леденцов. Джексон. Говорят, ты нарочно провалил экзамен.

Хаусмен. Кто, Поллард?

Джексон. Нет. Но его вызывали, чтобы расспросить о тебе.

Хаусмен. Я видел Полларда в Читальном зале.

Джексон. И что он тебе сказал?

Хаусмен. Ничего. Это был Читальный зал. Мы обменялись быстрыми гримасами.

Джексон. Мы оба получили что хотели. Поллард в Британском музее, да и я уже в должности эксперта на три сотни в год и с перспективами... Ты был умнее нас обоих, Хаус!

Хаусмен. Я не получил того, что хотел, это правда, но я хочу то, что у меня есть.

Джексон. Копаться в бумагах за тридцать восемь шиллингов в неделю.

Хаусмен. Зато мы вместе, ты и я, мы вместе обедаем, спешим к одному поезду на работу, да и работа легкая, у меня остается время на классику... дружба для меня все, иногда я так счастлив, что голова кругом идет, – а потом, взгляни, и у меня есть перспективы! Меня напечатали! (*Показывает Джексону журнал.*) Я приберегал это для какао.

Джексон. Однако!

Хаусмен. «Филологический журнал». Видишь?

Джексон. «Горациана»... «А. Э. Хаусмен» – однако!...

Что это?

Хаусмен. Рассказываю людям, о чем именно писал Гораций.

Джексон. Гораций!

Хаусмен. Всего лишь отрывки. По-настоящему я работаю над Проперцием.

Джексон. Молодчина, Хаус! Это нужно отметить!

Хаусмен. Мы и отметили – поэтому я и...

Джексон (*припоминает*). Ох, я же тебе еще должен за...

Хаусмен. Нет, это была моя идея, все равно тебе в спектакле пришлось по душе одни электрики.

Джексон. Девушки были симпатичные и музыка, – вот только сюжет.

Хаусмен. Вся эта вещица довольно бестолковая.

Джексон. Ты же говорил – милая. Ты не должен со мной все время соглашаться.

Хаусмен. Я и не соглашаюсь!

Джексон. Нет, соглашаешься. Знаешь, Хаус, тебе нужно тверже стоять на своем.

Хаусмен. Ну, это ты хватил. Как будто я не сказал только что Ричарду Бентли, что его *securesque*¹³¹ в три, двадцать шесть никуда не годится!

Джексон. Кто? А, *veni, vidi, vici*... Знаешь, что меня раз-

---

¹³¹ И топоры (*лат.*). *Securesque* – конъектура, предложенная Бентли для Гораций. Оды, III, 26, 7 и критикуемая Хаусменом в его первой статье *Horatiana* (*Journal of Philology*, 10, 1882. P. 187 – 196).

дражает? Этот приятель, да и все они не заслужили такой шумихи – сам посуди, ну какая от него польза?

Хаусмен. Польза?... Я знаю, что он не так полезен, как электричество, но это весьма увлекательно – обнаружить нечто...

Джексон. Что?

Хаусмен... быть первым человеком, кто за тысячу лет прочел стих так, как он был написан. Что?

Джексон. Я говорю про эстетов, про спектакль...

Хаусмен. А!

Джексон. Меня раздражает, как с ним носятся – газету не открыть, а все эти рисунки в «Панче»¹³², стоит только ему заикнуться про то, какой он эстет и насколько он лучше обычных людей, занятых почтенным ремеслом... Я вот о чем – сам он что в жизни сделал? Тут еще и оперетта, не приведи господи, теперь о нем весь город будет шуметь вдвое больше. *Что он такого сделал*, интересно знать.

Хаусмен. Ну, я... У него есть книга стихов.

Джексон. Я против поэзии ничего не имею, не подумай, я, как все, люблю хороший стишок, но ведь Теннисон не снует по Пикадилли, не пытается умничать, правда? Эти его позы, его наряды... если ты меня спросишь, Хаус, по-моему, это просто не по-мужски.

Хаусмен. Это не он к вам приходил с электрическим корсетом?

---

¹³² *Панч* – еженедельная юмористическая газета в Англии. Основана в 1841 г.

Джексон. В Оксфорде таких было несколько, я помню.

Хаусмен. Помнишь, он сказал, что твой голеностоп – это поэма?

Джексон. Который?

Хаусмен. Левый. Ах, Уайльд. Оскар Уайльд.

Джексон. Оскар Уайльд был с нами в Оксфорде?

Хаусмен. В год, когда мы поступили, он окончил классику с высшим баллом. Я ходил к Уоррену, его наставнику в Магдалине. Ты разве не помнишь?

Джексон. Был такой Уилд, увлекался крикетом, стоял слева от воротца...

Хаусмен. Нет, нет... Голубой фарфор.

Джексон. Постой. Бархатные бриджи! Черт побери! Знал же я, что у него не все дома.

Шум и огни приближающегося поезда. Темнота. Комната, возможно бильярдная, в Лондонском клубе, ночь, 1885 год.

*Лябушер*¹³³ *и Гаррис*¹³⁴: вероятно, во фраках с бабочка-

---

¹³³ Генри Лябушер (Henry Labouchere, 1864 – 1911) – член британского парламента от либеральной партии, журналист и общественный деятель, главный редактор журнала «Трут» (*Truth*). Выпускник Итона и Тринити-колледжа в Кембридже. По запросу Лябушера в поправку к Уголовному кодексу от 1885 г. была внесена статья XI о «непристойных деяниях среди мужчин». Позднее по этой статье Оскар Уайльд был приговорен к двум годам каторжных работ.

¹³⁴ Фрэнк Гаррис (Frank Harris, 1856 – 1931) – писатель, биограф, редактор. Автор рассказов и биографических скетчей о Шекспире, Уайльде и Шоу. В 1883 г. стал редактором ежедневной газеты *Evening News*, которая при нем достигла популярности. Наиболее известен как автор скандальной пятитомной автобио-

ми, например, с бренди и сигарами, играют, или не играют, в бильярд. Третий, Стэд ¹³⁵, – в почти изношенном деловом костюме. У него окладистая борода и фанатичный взгляд пророка. Он профессионально просматривает газету.

Лябушер. Мы изобрели Оскара, воплотили его. Потом выпустили в свет. Потом мы взвинтили на него цены. Когда Д'Ойли Карт вывозил «Пэйшенс» в Нью-Йорк, у него появилась идея захватить с собой в Америку Оскара, чтобы выставлять для рекламы в качестве оригинального экспоната эстетизма. И Оскар оправдал доверие прежде, чем сошел с корабля, – «Мистер Уайльд разочарован Атлантикой», – помните, Стэд? Вы дали ему место в «Гэзетт», а я напечатал ответ в «Трут» – «Атлантика разочарована мистером Уайльдом». Я хорошенько расхвалил его, а Оскар, не ведая, что это всего лишь трюк, говорил людям по ту сторону океана: «Генри Лябушер – один из моих героев» – в общем и целом весьма удовлетворительно провернутое дельце. Но теперь он уходит от нас. Где бы мы ни резали нить, этот бумажный змей никак не упадет. И плутовать не приходится, а его ак-

---

графии «Моя жизнь и пристрастия». Гаррис, действующее лицо нескольких романов Джерома К. Джерома, не имеет отношения к Фрэнку Гаррису. Прототип героя Джерома – Карл Хенчел (Carl Hentchel).

¹³⁵ Уильям Томас Стэд (William Thomas Stead, 1849 – 1912) – главный редактор утренней газеты «Пэлл-Мэлл гэзетт», один из родоначальников Новой журналистики (см. ниже, Новая журналистика). Ввел в газетную практику иллюстрации, интервью, кроссворды и пр. Известен сенсационными кампаниями в защиту женских прав. С 1890 г. – главный редактор популярного ежемесячного литературного дайджеста *Review of Reviews*. Погиб при крушении «Титаника».

ции все растут. Когда он вернулся домой и имел наглость провести лекцию на Пикадилли о своих американских впечатлениях, я тиснул три колонки под заголовком «*ExitOscar*». Я объявил его никчемным женоподобным пустозвоном; он, несомненно, был удивлен. Я подсчитал, сколько раз он употребил слова «прекрасный», «милый» и «очаровательный», и счет дошел до восьмидесяти шести. После такого, кажется, любой пойдет ко дну – ничуть не бывало... Он объездил провинцию, и люди платили немалые деньги, чтобы им рассказали, насколько они провинциальны... насколько их дома уродливы внутри и снаружи, их одежды безвкусны, их мужья серы, жены примитивны, а мнения об искусстве – ничтожны. Между тем сам Оскар ничего в этой жизни не сделал.

Гаррис. Вы взялись не за тот конец нити, Лабби.

Лябушер. Все выше, выше и выше... Это колеблет веру в то, что нравственным универсумом движет журналистика.

Стэд. Нас поражает бесцельная стрела, стрела, оснащенная одним из наших перьев.

Гаррис. Вам бы, старина, Ветхий Завет редактировать.

Лябушер. Он и редактирует.

Стэд. В «Пэлл-Мэлл гзетт» достаточно много от Завета, чтобы Господь стоял за моим плечом. И Он был со мной вчера, когда я – да, я! – заставил парламент принять поправку к Уголовному кодексу ¹³⁶.

---

¹³⁶ Поправка к Уголовному кодексу была представлена Палате общин в качестве законопроекта в 1885 г. Поправка предлагала перенести совершеннолетие

Гаррис. Знаете, Стэд, многие считают, что вы сумасшедший. Они так думали и раньше – прежде чем вы купили тринадцатилетнюю девственницу¹³⁷ за пять фунтов для того только, чтобы подкрепить свою точку зрения. Выходка превосходная, не отрицаю – даже снимаю шляпу. Когда я принял «Ивнинг ньюз», я взялся редактировать эту газету так хорошо, как только мог в двадцать восемь лет. Тираж не шлохнулся. Тогда я стал редактировать ее как четырнадцатилетний юнец. Тираж начал расти и к прежним цифрам уже не возвращался.

Стэд. Нет, ради всего святого, Гаррис! В верных руках перо редактора – это скипетр власти! Еще при нас жизнь может вернуть себе великолепие героической эпохи. В свою первую кампанию, в бытность мою молодым провинциалом, я поднял весь север против русской политики лорда Биконсфилда¹³⁸ и турецких зверств в Болгарии. «Честь болгарских дев, –

для женщин на 16-летний возраст, вместо прежних 13 лет, с тем чтобы обуздать «белую работоторговлю», или вынужденную проституцию среди девушек. В ходе длительных парламентских дебатов Лябушер выступил с дополнительной статьей о непристойных деяниях среди мужчин, которая была затем утверждена как часть поправки.

¹³⁷ ...тринадцатилетнюю девственницу... – Проводя кампанию по повышению совершеннолетнего возраста для женщин, Стэд купил «для совращения» тринадцатилетнюю девушку Элизу у ее матери за 5 фунтов стерлингов. Отчет Стэда о сделке не только увеличил тираж «Пэлл-Мэлл гээзет», но и подтолкнул парламент к принятию поправки к Уголовному кодексу (см. выше, Поправка к Уголовному кодексу). Позднее Элиза исчезла, и Стэда приговорили к недолгому тюремному заключению.

¹³⁸ Русская политика лорда Биконсфилда. – Бенджамин Дизраэли, лорд Би-

говорил я своим читателям, – находится в руках дарлингтонских избирателей». Я явственно слышал призыв Господа в тысяча восемьсот семьдесят шестом; я услышал его вновь в прошлом году, когда заставил правительство направить генерала Гордона ¹³⁹ в Хартум; и я слышал голос в ходе той кампании, которая сегодня поместила тринадцати-, четырнадцати- и пятнадцатилетних девственниц под опеку парламента.

Гаррис. Генералу Гордону отсекли голову.

Стэд. Отсекли ее или нет...

Гаррис. Отсекли.

Стэд...мы, журналисты, наделены богоданной миссией служить народу трибунами.

Гаррис. Для меня как журналиста Русско-турецкая война стала боевым крещением. Я был с генералом Скобелевым при Плевне ¹⁴⁰.

консфилд (Benjamin Disraeli, 1804 – 1881), премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874 – 1880 гг. Дизраэли поддерживал Турцию в Русско-турецкой войне (1877 – 1878), рассчитывая таким образом ослабить русское влияние на Балканах.

¹³⁹ Генерал Чарльз Джордж Гордон (Charles George Gordon, 1833 – 1885) – участвовал в Крымской войне, командовал британскими войсками в Китае. В 1880 г. генерал Гордон был назначен генерал-губернатором Судана и в 1884 г. направлен египетским и британским правительствами на усмирение мусульманского национального восстания Махди Суданского. Гордон погиб при обороне суданского города Хартум.

¹⁴⁰ Осада Плевны. – Русская армия генерала Скобелева разбила турецкие войска при Плевне в декабре 1877 г.

Лябушер (*Стэду*). Я – член парламента. Мне не нужно быть журналистом, чтобы служить трибуном народа. (*Гаррису.*) Нет, не были, Фрэнк. Вы тогда жили в Брайтоне. (*Стэду.*) Поправка к Уголовному кодексу составлена плохо и, как я утверждаю в своей статье, принесет больше вреда, чем пользы. (*Гаррису.*) В семьдесят шестом вы были учителем французского в Брайтон-колледже, по крайней мере, так вы сказали Хатти в антракте «Федры».

Гаррис. Это был полет фантазии.

Лябушер (*Стэду*). Ваш законопроект следовало отправить на переработку в специальный комитет ¹⁴¹. И отправили бы, если б вы не изводили правительство своими отвратными статьями.

Гаррис. Парламент исстари покровительствовал британским девственницам, но обыкновенно по системе «первым пришел, первым получил».

Лябушер. Вы заставили «Пэлл-Мэлл гзетт» выглядеть сенсационной, хотя ничего сенсационного в ней нет. Ваша кампания «в защиту девственниц» оскорбляет все приличия – вы дали мальчишкам-разносчикам прочесть о грязных проделках, которые касаются не кого иного, как их сестер.

Гаррис. Правда ли, что вы поймали мышь в конторе «Гэзетт», положили ее на тост и съели?

---

¹⁴¹ Специальный комитет (Select Committee) учреждается при одной из палат парламента для предварительного обсуждения предлагаемого законопроекта и представления проекта членам парламента.

Стэд. Истинная правда. (*Лябушеру.*) Когда я приехал с севера, из Дарлингтона, работать в «Гэзетт»...

Гаррис. С юга.

Стэд...она распродала не больше тринадцати тысяч экзemplяров, да и этого не заслуживала, поскольку отпугивала читателя.

Гаррис. С юга.

Стэд. Я ввел подзаголовок в восемьдесят первом, иллюстрацию в восемьдесят втором, интервью в восемьдесят третьем, редакторскую колонку, авторские статьи...

Лябушер. Зачем вы ели мышь?

Стэд. Я хотел знать, какая она на вкус.

Лябушер. Спросили бы меня. Я ел их в Париже в дни осады, и крыс, и мышей.

Стэд. Я изобрел Новую журналистику ^{142!}

Лябушер. Мы не перешли на крыс, пока не съели всех кошечек.

Стэд. Я дал добродетели голос, которого не заглушить никакому парламенту.

Лябушер. Тогда мы стали есть собак. Когда кончились собаки, мы взялись за зверей в зоопарке.

Стэд. Статья первая! Совершеннолетний возраст поднят

---

¹⁴² Новая журналистика – движение, зародившееся в 1890-х гг., наиболее известно типографическими и жанровыми нововведениями, как то: короткие абзацы, информативные и объемные заголовки, использование иллюстраций и интервью. В рамках Новой журналистики фактическим материалам отдавалось предпочтение перед аналитическими статьями.

с тринадцати до шестнадцати лет.

Лябушер. Я отсылал депеши воздушными шарами – и сделал себе имя. Я предполагаю, вы тоже были в осажденном Париже, Фрэнк?

Гаррис. Нет, в тысяча восемьсот семидесятом я строил Бруклинский мост.

Стэд. Статья вторая! Девочки, чья нравственность под угрозой, могут быть отняты у родителей по решению суда.

Лябушер. Вот уж этой статьей не воспользуются никогда.

Стэд. Но ведь это была ваша поправка.

Лябушер. Всякий разумный человек подбрасывает такие поправки с задних скамей единственно для того, чтобы правительство осознало, какой бурдой его пичкают, и отказалось их рассматривать. Я подал предложение поднять совершеннолетний возраст до двадцати одного, и двое проголосовали «за». Мое последнее достижение – это поправка о непристойных деяниях между мужчинами, и, господи помилуй, она прошла как по маслу – хотя не имела ни малейшей связи с тем законом, который мы собирались обсуждать; обычно такие отклоняют за несоответствие повестке дня, но все торопились покончить с делами, отложить парламентскую сессию и перейти ко всеобщим выборам.

Стэд. Но... но вы, разумеется, *намеревались* обуздать вашим законом современный порок?

Лябушер. Ничего подобного. Я намеревался выставить этот закон абсурдным для всякого разумного человека, ко-

торый еще оставался в полупустой Палате... Но этот чудак, должно быть, вышел, и теперь за французские поцелуи и... сами знаете что пара парней может получить два года заключения с тяжелыми работами или без оных, даже если эти двое резвятся в собственном доме, за закрытыми дверьми. В странном мире мы живем, не правда ли?

Стэд. В таком случае ваши проказы оказались своевременными. По всем приметам Лондон низвергается в бездну извращенного эротизма, сопутствовавшего падению Греции и Рима.

Лябушер. Что еще за приметы?

Стэд. Скепсис в отношении возвышенной нравственности; вкус к чувственному и запретному во французской литературе. Наши эстеты равняются на пороки Парижа, которые я не смею именовать, но пороки эти столь одиозны, что им следовало бы запретить пересекать границу Франции.

Гаррис. Вообще, в Греции и Риме содомия едва ли связывалась с пристрастием к французским романам. Это была культура атлетических площадок и ратных полей; как в Спарте, например, или в Священном отряде фиванских юношей. Так вышло, что я путешествовал по Греции в октябре тысяча восемьсот восьмидесятого, когда пешком, когда верхом; находил приют в монастырях или в пастушьих хижинах, пока не прибыл в Фивы. Там работал немецкий археолог, который представился мне Шлиманом ¹⁴³.

---

¹⁴³ Генрих Шлиман (Heinrich Schliemann, 1822 – 1890) – немецкий предприни-

Лябушер. Гаррис, вы когда-нибудь говорили правду?

Гаррис. Он сказал нам, что молодой грек только что отыскал очень большое захоронение в Херонее, рядом, вернее, под каменным львом, воздвигнутым Филиппом Македонским в память о победе триста тридцать восьмого года до нашей эры. Помните, это в битве при Херонее, по Плутарху, сто пятьдесят пар любовников поклялись охранять Фивы от захватчиков, сражались и умерли все до единого. Так вот, я оставался там, пока мы не раскопали двести девяносто семь скелетов, захороненных бок о бок.

Лябушер. Так это были вы!

Гаррис. Они лежали в два слоя, плотно, как сардины. И по сей день видно, как македонские копья раскраивали им руки, ребра, черепа... Самая удивительная картина, какую мне приходилось видеть.

Открытая местность. Летний день, 1885 год. Двадцатипятилетний Хаусмен удобно лежит на траве, читая «Филологический журнал». Чемберлен, того же возраста, сидит, читает «Дейли телеграф»¹⁴⁴ или что-то в этом роде. Они невнимательно следят за пригородными атлетическими соревнованиями, звуки которых – вялые аплодисменты, выкрики вразнобой, возможно, музыка – слышатся вдалеке. Рядом на траве пакет с пивными бутылками и сэнд-

матель и великий археолог. Возглавлял раскопки Трои и Микен в Малой Азии. Результаты исследований Шлимана, опубликованные им в нескольких книгах, легли в основу современных представлений о классической эпохе.

¹⁴⁴ «Дейли телеграф» (*Daily Telegraph*) – лондонская газета, основана в 1855 г.

вичами.

Чемберлен. Что скажешь, Хаусмен? Пять фунтов за девственницу. Это, интересно, за один раз?...

Хаусмен. С одной девственницей два раза не выйдет.

Чемберлен... или покупаешь ее насовсем? – это имел в виду. До чего доходят парламентские отчеты.

Хаусмен. Это на четверть мили выстроились? Я не вижу Джексона.

Чемберлен. В таком случае это другой забег.

Хаусмен (*возбужденно*). Ты уверен? Мы не для того приехали в Илинг ¹⁴⁵, чтобы его пропустить.

Чемберлен. «Мистер Лябушер, либерал, Нортгемптон...» – ну он им сейчас задаст...

Хаусмен. Или это полмили?

Чемберлен. По старту никак не скажешь, все зависит от того, где они остановятся. «Поправка мистера Лябушера...» О боже, о боже, о боже, теперь лазейка открыта для любого вымогателя в городе. Всё про тебя проведает, будьте покойны. И это пишет Лябушер, выпускник Итона и Тринити ¹⁴⁶, – он-то чем возмущен?

Хаусмен. Мне все-таки кажется, это четверть мили. (*Встает на отдаленный звук стартового пистолета.*) Ты

---

¹⁴⁵ Илинг – западный пригород Лондона.

¹⁴⁶ ...выпускник Итона и Тринити... – закрытые частные школы для мальчиков, как Итон, и ведущие университеты в Англии традиционно считались местами, где процветал гомосексуализм.

видишь его?

Чемберлен наконец отрывается от газеты.

Чемберлен. Четверть мили – это забег без препятствий, правда? – а здесь барьеры. *(Возвращается к газете.)*

Хаусмен *(облегченно)*. Ах да... он бежит после двухсот двадцати с препятствиями.

Чемберлен. Уже поздно.

Хаусмен. Нет, еще двести двадцать ярдов...

Чемберлен. Сядь. Ты как нервная барышня.

Далекie выкрики, редкие аплодисменты. Чемберлен изучает газету.

Не обижайся, старина. Ты мне нравишься больше всех. Мне даже нравится, как ты привязан к Джексону. Но он никогда не захочет того, чего хочешь ты. Тебе придется отыскать это в другом человеке, или ты останешься несчастлив, бесконечно несчастлив. Я-то знаю, о чем говорю. Я не против, чтобы ты про меня знал. Ты не разболтаешь на работе. Ты – самый прямой, добрый человек из моих друзей, и мне горько за тебя, вот и все. Извини, если я некстати.

Выстрел стартового пистолета вдалеке. Чемберлен встает. Они смотрят на бегунов молча, отчужденно, безучастно. Забег занимает около минуты: паузы и реплики проходят в реальном времени.

Долгая пауза.

Он будет в первой тройке, если выдержит темп.

Хаусмен *(глядя на бегунов)*. Чего я хочу?

Чемберлен. Ничего, что ты назвал бы непристойным; да я и сам ничего дурного в этом не вижу. Ты хочешь быть его соратником, хочешь, чтобы он был твоим... вместе испытать кораблекрушение, совершить доблестные деяния, чтобы заслужить его восхищение, спасти от неминуемой смерти, умереть за него – умереть на его руках, подобно спартанцу, приняв губами единственный его поцелуй... а пока просто быть у него мальчиком на посылках. Ты хочешь, чтобы он знал о невыразимом и отвечал тебе на том же языке. *(Пауза. Все еще ровным тоном.)* Он победит. *(Наконец гонка захватывает его, и он приходит в возбуждение, когда бегуны пробегают перед ними.)* Честное слово, победит! Давай, Джексон! Патенты – вперед!... Он победил!

В безыскусной радости Чемберлен хлопает Хаусмена по спине. Хаусмен оттаивает и присоединяется к ликованию.

Хаусмен. Победил!

Чемберлен. Надо было принести шампанского!

Хаусмен. Нет, он любит библейский напиток. *(Смущенно.)* Я...

Чемберлен. Давай же – у меня от этих бегов жажда.

Двадцатишестилетний Поллард, разгоряченный и взволнованный, прибывает в служебном костюме, с субботним вечерним выпуском «Пинк уан»¹⁴⁷.

Поллард. Хаусмен! Вот ты где! Это была четверть мили?

Хаусмен. Поллард, тупица! Ты все пропустил! Он побе-

---

¹⁴⁷ «Пинк уан», или «Спортинг Пинк» – британская спортивная газета.

дил!

Поллард. Черт побери! Ну, ты понимаешь, про что я. Я и на минуту раньше не мог прийти. Со станции я бежал, наверное, быстрее Джексона. (*Чемберлену.*) Как поживаете?

Хаусмен. Чемберлен, Поллард; Поллард, Чемберлен.

Чемберлен. Очень приятно познакомиться.

Хаусмен. Он из Британского музея ¹⁴⁸.

Поллард (*Чемберлену*). Но не экспонат, я работаю в библиотеке.

Хаусмен. Экспонат-экспонат... (*Поправляет воротничок и галстук на Полларде.*) Вот, смотри. Так-то. У нас пикник.

Поллард. А, акриды и мед.

Хаусмен. Мы втроем часто спускались на лодке в Аид, на пикник, – где Мо?

Поллард. Это было всего один раз.

Хаусмен. Мы были неразлучны в Сент-Джоне...

Чемберлен. Аид?...

Хаусмен. Ах да! Чемберлен ведь специалист по Крестителю, известному мифологическому герою.

Поллард. Вот как?

Чемберлен. Он угодил на обертку для бисквитов. Я знаю, в это непросто поверить, но у нас, в Реестре торговых марок, предубеждений нет.

---

¹⁴⁸ Британский музей – крупнейший музей и национальная библиотека Великобритании, основан в 1753 г. В 1973 г. библиотека получила отдельное название – Британская библиотека.

Хаусмен. Вот и он – *victorludorum* ¹⁴⁹

Джексон присоединяется к ним.

Поллард. *Ave Ligurine* ¹⁵⁰.

Хаусмен. Молодчина, Мо!

Чемберлен. Bravo! Какое у вас время?

Джексон. Ох, я не знаю, это всего лишь забег, не подымай-те шума. Наверное, пятьдесят четыре. Приветствую, Поллард. (*Принимает бутылку пива от Хаусмена.*) Спасибо. Это по-спортивному. И сэндвичи!

Чемберлен (*предлагая сэндвичи*). Дань старости – красоте.

Джексон (*отказывается*). Сперва переоденусь. (*Полларду.*) Принес «Пинк уан»? Настоящий друг. (*Берет газету.*) Как там австралийцы ¹⁵¹?

Поллард. Где?

Джексон Ну, право слово, Поллард! (*Смеется, уходит с пивом и газетой.*)

Поллард. В сегодняшней газете все о белых рабах. Очевидно, мы держим первое место в мире по экспорту молодых женщин в Бельгию.

Чемберлен. Пресса отвратительно раздувает этот скандал.

Роллард. Задувает?

---

¹⁴⁹ Победитель в играх (*лат.*).

¹⁵⁰ Здравствуй, Лигурин! (*лат.*)

¹⁵¹ Австралийцы – команда Британии встречалась с австралийской командой в крикетном матче. Матч может занимать три и более дней, таким образом, Джек-сон следил за ходом встречи по газетным сообщениям.

Чемберлен. Не задувает. Раздувает.

Поллард. О!

Поллард и Хаусмен встречаются взглядами и улыбаются одной и той же мысли.

Чемберлен (*после паузы*). М-да, верно, так и не догадаешься.

Хаусмен. Догадываться не о чем. Прежде чем начали печатать книги, зачастую один человек диктовал двум или трем переписчикам...

Поллард. Затем, сотни лет спустя, в одном месте обнаружился манускрипт, где значилось «раздували», а в другом месте – второй манускрипт, где было написано «задували», только, естественно, на латыни. А люди вроде Хаусмена теперь спорят, что же автор в самом деле написал. Здесь, в журнале, есть что-то твое?

Чемберлен. Для чего?

Хаусмен. Нет.

Поллард. А потом и копии перебелили, и теперь в досталь можно спорить, которая из них возникла раньше и у кого из писцов были вредные привычки, – развлечению нет предела.

Чемберлен. Но как определить правильное слово, если они оба подходят по смыслу?

Хаусмен. Одно из них всегда будет подходить лучше, если проникнуть в разум писателя без предубеждений.

Поллард. А потом ты напечатаешь в статье, что на деле это было «обдывать».

Чемберлен. Для чего?

Поллард. Для чего? Чтобы другие могли написать статьи о том, что там написано «подавать» или «радовать».

Чемберлен. Бросили бы монетку. Я бы так и сделал.

Поллард. Еще один недурной метод. Я дурачусь, Хаусмен, перестань дуться.

Чемберлен (*встает*). Мне пора, извинитесь за меня перед Джексонем. У меня встреча в Вест-Энде, в пять.

Поллард. Поездов еще много.

Чемберлен. Я приехал на велосипеде.

Поллард. Боже!

Чемберлен. Было приятно с вами познакомиться.

Поллард. Взаимно. Что ж, не заставляйте даму ждать!

Чемберлен. О, вы разгадали мою тайну. Спасибо, Хаусмен. Увидимся в понедельник.

Хаусмен. Жаль, что тебе нужно уходить. Спасибо.

Чемберлен. Ну, этого бы я не пропустил.

Поллард. И я тоже.

Чемберлен. Но вы-то как раз опоздали.

Поллард. Ах, вы о забеге.

Чемберлен уходит.

Хаусмен. Нет нужды говорить о нем Джексону – расстроится. Почему ты назвал его Лигурином?

Поллард. Разве он не Лигурин? Разве не так же бежит по Марсову полю? (*Достает из кармана двадцать рукописных*

страниц.) Спасибо за статью ¹⁵².

Хаусмен. Что ты думаешь?

Поллард. Ты ведь не ожидаешь, что я смогу судить об этом. Я не изучал Проперция.

Хаусмен. Но ты читал его.

Поллард. Читал несколько элегий на третьем году, но, на мой вкус, Проперций слишком шероховат.

Хаусмен. Да, на мой тоже.

Поллард. Но...

Хаусмен. Чтобы стать ученым, тебе в первую очередь нужно усвоить, что наука не имеет ничего общего со вкусом; говорю тебе это как чиновник высшего разряда на патентной службе Ее Величества. Проперций показался мне садом, садом запущенным, не особенно интересным, но – какие перспективы! – он просто умолял, чтобы в нем навели порядок. Всякие простофили считали, что они уже справились с работой... повалили деревья, чтобы рассадить свои одуванчики. На сегодня я исправил вульгату ¹⁵³ в двухстах местах.

Поллард смеется.

Правда, исправил.

Поллард. Я верю.

Хаусмен. Что же тебя смущает?

---

¹⁵² Спасибо за статью. – В сцене обсуждается статья Хаусмена *Emendationes Propertianaе*. Критические замечания в сцене прямо повторяют или пересказывают текст этой статьи.

¹⁵³ Вульгата – здесь: общепринятый текст или прочтение.

Поллард. Знаешь, тон твоих замечаний – от него просто дух замирает. Пока я читаю твою статью, это не страшно, потому что я знаю, старина, какой ты мягкий и славный, но ведь между учеными не принято такое обхождение?

Хаусмен (*с легкостью*). А! Бенгли и Скалигер¹⁵⁴ были куда грубее.

Поллард. Но они жили сотни лет назад, а ты пока еще не Бенгли. Кто такой этот Постгейт¹⁵⁵?

Хаусмен. Хороший человек, один из лучших молодых критиков Проперция...

Поллард. Как?! (*Ищет на последней странице.*)

Хаусмен...он – профессор в Лондонском университетском колледже.

Поллард (*зачитывает*), «...лишает смысла всю элегию от начала до конца...»

Хаусмен. Но так и есть. Этими его *voces*¹⁵⁶ в тридцать третьей строке впору детей пугать.

---

¹⁵⁴ Йозеф Юстус Скалигер (Joseph Justus Scaliger, 1540 – 1609) – выдающийся голландский ученый-классик. Знаменит исследованиями античных систем летоисчисления. Основоположник современной хронологии и нумизматики.

¹⁵⁵ Джон Постгейт (John Percival Postgate, 1853 – 1926) – английский ученый-классик. При его поддержке Хаусмен был приглашен на место профессора латинского языка в Лондонский университетский колледж в 1892 г. Автор изданий Катулла, Тибулла и Проперция. Его «Избранные элегии Проперция» были опубликованы в 1884 г.

¹⁵⁶ Голоса (*лат.*). *Voces* – «голоса», конъектура, предложенная Постгейтом вместо *nodes*, «ночи», в строке 33. См.: «Мне же Венера, увы, посылает лишь горькие ночи» (*Проперций*. Элегии, I, 1. Пер. Л.Остроумова).

Поллард. «...впрочем, мне представляется, что эти сообщения к настоящему моменту уже пришли на ум мистру Постгейту или были подсказаны ему одним из друзей...» Как это неуважительно!

Хаусмен. Ты намекаешь, что я всего лишь клерк в Бюро патентов?

Поллард (*горячо*). Нет! Я не это говорил!

Хаусмен. Извини. Давай не будем ссориться. Выпей еще библейского напитка.

Открывают две бутылки пива.

Поллард (*объясняет*). Я что говорю: предположим, однажды ты выставишь свою кандидатуру на место лектора в Университетском колледже, а мистер Постгейт будет в отборочной комиссии.

Хаусмен. В Университетский колледж я подам только на место главы кафедры.

Поллард (*смеется*). О... Хаусмен, что из тебя выйдет?

Хаусмен. Ты – единственный мой друг, который в этих материях понимает, так не разочаровывай меня. Если я и веду себя неуважительно, то лишь оттого, что ставки высоки. В эту игру не всякий способен играть. Я только сейчас понял, что мне сказать Чемберлену, – науке не пристало уклоняться от нападок. Наука ближе всего подступает к нашей человеческой сути. Наука – это бесполезное знание, накопленное ради знания. И полезное знание – тоже благо, но им довольствуются малодушные. Наука есть совершенствование

того, что истинно; ее удел – проливать свет, не важно на что, не важно где; наука и есть свет – против тьмы; наука – это то, что остается от замысла Божьего, если из него изъять Бога. Не сочти, что я равнодушен к поэзии. Это не так. *Diffugerentives* пронзает меня как копье. Никто не сумел лучше Горация облечь в слова то, что ты умрешь, станешь прах и тень, и никакие добрые дела и красноречие не вернут тебя обратно. Я думаю, это самый прекрасный стих из всех, написанных на латинском или греческом; но в пятнадцатой строке Гораций не писал *dives*¹⁵⁷, как значитя во всех книгах, и я уверен, я знаю, *что* он написал. Каждый, кто спрашивает: «И что с того?» – упраздняет те пять веков, которые сделали нас людьми; не зря наше время называется гуманизмом. Восстановление античных текстов – величайшая задача для человечества, благослови господи Эразма¹⁵⁸. Эта работа необходима. Будущее скоро расправляется с рукописями: наука – лишь скудное возмещение того, что нелепо отнято у нас. Погибают не одни никчемные. Иисус никого не спасет и не сохранит.

Поллард. Хватит, хватит, Хаусмен! Солнышко сияет, се-

---

¹⁵⁷ Богатый (лат.).

¹⁵⁸ ...благослови господи Эразма. – Эразм Роттердамский (14697 – 1536), великий ученый-гуманист, философ и теолог эпохи Возрождения, один из основоположников современной классической филологии. В ходе богословских занятий Эразм изучал новозаветные тексты и труды отцов церкви; заложил методологические основы античной текстологии. В своей просветительской деятельности Эразм настаивал на обязательном изучении классических языков и текстов.

годня суббота! Я счастлив! Лучшие выживают потому, что они лучшие.

Хаусмен. Ох... Поллард! Тебе приходилось видеть поле после жатвы? Стерня, на которой тут и там беспорядочно колышутся стебельки, спасшиеся чудом, непостижимо. Почему именно эти? Причины не отыскать. «Медея» Овидия¹⁵⁹, «Фиест» Вария¹⁶⁰, который был другом Вергилия и, говорят, не уступал ему, потерянная трилогия Эсхила о Троянской войне... колосья, сжатые для забвения, вместе с сотнями греческих и римских авторов, ныне известных лишь по фрагментам или именам... вот они топорщатся то тут, то там, злак, мак, чертополох, – но умысла за этим нет.

Поллард. Я знаю, чего ты хочешь.

Хаусмен. Чего же я хочу?

Поллард. Монумент. Здесь был Хаусмен.

Хаусмен. О, ты разгадал мою тайну.

Поллард. Куличик из песка против приливной волны.

Хаусмен. Мило ты отзываешься о моем

издании Проперция.

Поллард (*поднимая тост*). За тебя и твоего Проперция.

Кто это с Джексонсом? Ты знаком с ней?

Хаусмен. Нет. Да. Она заходила в контору.

---

¹⁵⁹ «Медея» Овидия – утраченная трагедия Публия Овидия Назона, написанная в Риме. Известна по хвалебным откликам Квинтилиана и Тацита.

¹⁶⁰ «Фиест» Вария. – Варий (Varius), друг Горация и Вергилия. Считался ведущим эпическим поэтом своего времени. Ни одно из его сочинений, включая трагедию «Фиест», не сохранилось.

Поллард. Ну хорошо, не пялся так.

Хаусмен. Я и не пялюсь.

Поллард (*поднимая тост*). За тебя совокупно с библиотекой Британского музея! Накопленная сумма достижений человечества!

Хаусмен (*поднимая тост*). Держать оборону против естественного и милосердного отмирания нечитаемого! Сколь это по-британски. Возвращать рукопись...

Поллард. Все закончилось? Люди, кажется, уходят.

Хаусмен начинает паковать припасы.

Хаусмен. Когда представишь то затхлое море, которое люди напрудили за историю книгопечатания, поневоле задумаешься, такое ли это благодеяние для цивилизации. Я размышляю об этом всякий раз, когда открываю «Филологический журнал».

Нет. Они собираются... О, призы раздают! Пойдем!

Уходят. Хаусмен подбирает сумку с остатками пириества.

Ночь.

Джексон в пижаме и халате читает вслух с рукописной страницы; в поле зрения может находиться серебряный призовой кубок.

Джексон.

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко

Пред тобой сидит, твой звучащий нежно ¹⁶¹

Слушает голос

И прелестный смех. У меня при этом
Перестало бы сразу сердце биться...

М-м... Это ты написал?

Входит Хаусмен с двумя чашками какао. Он одет по-домашнему.

Хаусмен. Это более или менее Сафо.

Джексон (*раздумывает*). М-м... А как звали того, который писал про поцелуи?

Хаусмен. Катулл. «Дай мне тысячу поцелуев, а затем еще сто».

Джексон. Да. Она, правда, может подумать, что это слишком смело. Мне надо, чтобы в стихе было, какой я несчастный и как я корю ее за неверность, но при этом готов простить. Как там было, что я вырезаю ее имя на деревьях? ¹⁶²

Хаусмен. Проперций. Но если говорить всерьез, то ты чересчур буйнишь. Она всего-то сказала, что останется дома вымыть голову.

Джексон. Но у меня уже билеты были и все прочее! После

---

¹⁶¹ Сафо, пер. В. Вересаева (Античная лирика. М.: Худ. лит., 1968. С. 56).

¹⁶² См. «О, как тебя я зову под укромною тенью деревьев, / Как постоянно пишу „Кинфия“ я на коре!» (*Проперций*. Элегии, I, 18. Пер. Л. Остроумова // *Катулл. Тибулл. Проперций*. С. 281).

того как я был у нее под каблуком...

Хаусмен. *Quinque tibi potui servire (fideliter annos).* ¹⁶³

Джексон. Что?

Хаусмен. Пять лет был верный твой раб.

Джексон. Точно. По крайней мере, две недели.

Хаусмен. Наше затруднение в том, что в стихах, где ее упрекают, она выглядит как шлюха, а в счастливых стихах она выглядит... гм... как *твоя* шлюха... так что я думаю, лучше выбрать какой-нибудь *carpe diem* ¹⁶⁴, собирай розовые бутоны, пока можешь ¹⁶⁵. «В могиле жить укромно и прелестно, но в ней, увы, объятьям нету места». ¹⁶⁶

Джексон. Она ни за что не поверит, что я это написал.

Хаусмен. Старина Мо, что из тебя выйдет?

Джексон. Прямо в партере.

Хаусмен. Ну, если так! «И если такова цена за поцелуй, то этот я приму последним от тебя» – посвящено, естественно, мальчику, но это несущественно, – кстати, любопытная поэ-

---

¹⁶³ См. «Сил у меня набралось пять лет прослужить тебе верно» (*Проперций*. Элегии, III, 25. Пер. Л. Остроумова // *Катулл. Тибулл. Проперций*. С. 414).

¹⁶⁴ Букв. – лови день (*лат.*). см. «... Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему» (*Гораций*. Оды, I, XI. Пер. С. Шервинского / Указ. соч. С. 57).

¹⁶⁵ Парафраз стихотворения *To the Virgins To Make Much of Time* английского священника и поэта Роберта Геррика (1591 – 1674). См. перевод А. Сендыка в кн.: *Европейская поэзия XVII века*. М.: Худ. лит., 1977. С. 95.

¹⁶⁶ Строки из стихотворения *To His Coy Mistress* Эндрю Марвелла (1621 – 1678), известного английского поэта-метафизика и политика. См. переводы Г. Кружкова (*Европейская поэзия XVII века*. С. 128) и И. Бродского (*Сочинения Иосифа Бродского*. Т. IV. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. С. 283).

ма: *vester* вместо *tuns*...

Джексон. Она думает, что ты на меня глаз положил.

Хаусмен...множественное число вместо единственного, первое употребление. Что?

Джексон. Роза говорит, ты на меня глаз положил.

Хаусмен. В каком смысле?

Джексон. Ну, сам понимаешь.

Хаусмен. А ты что сказал?

Джексон. Что это ерунда. Мы – товарищи. Мы с оксфордской поры товарищи: ты, я и Поллард.

Хаусмен. А про Полларда она тоже думает, что он на тебя глаз положил?

Джексон. О Полларде она не говорила. Хаус, ты ведь ничего такого... правда?

Хаусмен. Ты мой лучший друг.

Джексон. Я и сказал ей, как...

Хаусмен. Тезей и Пирифой.

Джексон. Три мушкетера.

Хаусмен. А она что ответила?

Джексон. Что не читала.

Хаусмен. Я не понимаю. Ты хочешь сказать, что она это решила в субботу, когда мы вместе возвращались на поезде из Илинга?

Джексон. Похоже на то. Да. Странно, что Чемберлен приходил в тот день.

Хаусмен. Почему?

Джексон. Ну, просто странно. Странное совпадение. Я как раз собирался об этом упомянуть.

Хаусмен. О чем упомянуть?

Джексон. Что тебе, может быть, не стоит с ним особенно сближаться, это могут неверно понять.

Хаусмен. Ты думаешь, Чемберлен на меня глаз положил?

Джексон. Нет, конечно нет. Но о нем всякое поговаривают в конторе. Извини, что я вспомнил о нем. Ох, какой я чурбан неотесанный, – но ведь ты в порядке по этой части, правда, Хаус? Видишь, у меня все серьезно с Розой, она не такая, как все девушки, ее даже девушкой не назовешь, да ты сам видел, она – женщина, и мы любим друг друга.

Хаусмен. Я рад за тебя, Мо. Она мне очень понравилась.

Джексон (*обрадованно*). Правда? Я знал, что она тебе понравится. Ты – добрый мой друг, и я, надеюсь, тоже тебе друг. Я знал, что стоит мне тебя спросить – и на этом все закончится. Я ей скажу, что она просто с ума сошла. Дашь мне руку?

Джексон протягивает руку, Хаусмен пожмает.

Хаусмен. С радостью.

Джексон. Друзья.

Хаусмен. Соратники.

Джексон. Как эти... как их там...

Хаусмен. Тезей и Пирифой. Они были царями. Они встретились на бранном поле, чтобы сражаться насмерть. Но, увидев друг друга, оба были поражены и восхищены со-

перником, так что стали соратниками и вместе прошли через множество испытаний. Тезей нигде не был так счастлив, как со своим другом. Они не положили глаз друг на друга. Они любили друг друга, как мужчины любили в тот героический век, добродетельно, соединенные легендой и поэзией и ставшие образцом товарищества, рыцарским идеалом добродетели античного мира. Добродетель! Что с ней стало? Долго – столетиями – еще у Сократа – считалось добродетельным восхищаться прекрасным юношей; добродетель видели в том, чтобы быть прекрасным и вызывать восхищение; эта же добродетель, пусть грубее и бледнее, все еще сохранялась у моих поэтических римлян, которые боролись за женщин или мальчиков, по выбору; для Горация было благовидным занятием проливать слезы о Лигурине на атлетическом поле. Теперь уж нет, а, Мо? Добродетель – это то, что назначено терять женщинам, все прочее – порок. Поллард тоже чувствует, что я на тебя глаз положил, хотя едва ли об этом задумывается. Ты не будешь против, если я найду жильё поближе к тебе?

Джексон. Зачем тебе? Ох...

Хаусмен. Мы ведь останемся друзьями, правда?

Джексон. Ох!

Хау смен. *Конечно*, Роза догадалась! *Конечно*, она должна была догадаться!

Джексон. Ох!

Хаусмен. Неужели ты даже на минуту не догадался?

Джексон. Как я мог догадаться? Ты выглядишь совершенно... ну, нормальным. Ты ведь не из этих эстетов... (*гневно*) как я мог догадаться?!

Хаусмен. А если бы я одевался как три мушкетера, ты бы тогда заподозрил? Ты – половина моей жизни. Мы устраивали пикник в Аиде. Там, на острове, была собака, дружелюбная потерявшаяся собака, даже не мокрая – вот ведь чудеса, – она впрыгнула к нам в лодку, чтобы мы ее спасли. Помнишь собаку? Мы с Поллардом спорили о том, что лучше для поэзии – английский или латынь, и склоняли собаку на разные лады: потерянный пес любит молодого человека – пес молодого потерянный человек любит, любит потерянный молодой человек пес. В этом латынь не переплюнешь: перетасуй слова по желанию, и окончания подскажут тебе, кто кого любит, кто молодой, кто потерялся; если не читаешь на латыни, в этой беседе тебе делать нечего, сиди дома. Ты поцеловал собаку. После того дня все прочее казалось мне тщетным и смехотворным: смехотворная мысль, что жизнь равна учебному курсу...

Джексон (*озадаченно*). Собака?

Хаусмен (*выкрикивает*). Если бы ты ничего не сказал! Мы бы так и жили дальше!

Джексон (*объявляет*). Это не твоя вина. Вот что я тебе скажу. Это ужасно, но это не твоя вина. Я не брошу в тебя первым камень. ¹⁶⁷(*Пауза.*) Мы будем как прежде.

¹⁶⁷ Джексон неточно цитирует Евангелие от Иоанна: «Кто из вас без греха, пер-

Хаусмен. Ты это серьезно?

Джексон. От меня никто ни о чем не узнает. Мы так долго были друзьями.

Хаусмен. Спасибо.

Джексон. Какая беда... но это будет наша тайна. Ты легко найдешь приличное жилье в этой округе. Мы будем ездить одним поездом на работу, как раньше, и, держу пари, ты сам не заметишь, как встретишь хорошую девушку, и мы втроем – с Розой – еще похихикаем над этой историей. Как тебе план? Кажется, я тебя удивил! Идет? Дай руку.

Джексон протягивает руку. Темнота, свет на Хаусмена.

Хаусмен.

Он не со мною больше, что не странно.

Он не со мной; к кому мне взором льнуть?

Я руку сжал ему, а в сердце рана.¹⁶⁸

Свет на АЭХ.

АЭХ.

Полжизни – прочь, и я продолжил путь¹⁶⁹.

Хаусмен погружается в темноту.

АЭХ сидит за столом, на столе книги, чернильница, перо. В то же время в другом месте – встреча отборочной комис-

---

вый брось на нее камень» (Иоанн. 8: 7).

¹⁶⁸ См. стихотворение VII в сборнике *Additional Poems* А. Э. Хаусмена.

¹⁶⁹ Перевод П. Сошкина.

сш ¹⁷⁰. Среди них Председатель, двое или более участников, называемых «комиссией», и Постгейт.

Все – в академических мантиях.

АЭХ. Сплю я или бодрствую? ¹⁷¹ Мы прибываем вечером на поле сражения, где лежат двести трупов. Сто девяносто семь из них безбороды, у сто девяносто восьмого пушок на подбородке, у сто девяносто девятого – фальшивая борода сбилась под левое ухо, двухсотый обезглавлен, и головы не найти. Вопрос: была на последней голове борода обычная, борода фальшивая или никакая? Мистер Бюхелер ¹⁷² вам ответит. Была борода, борода на подбородке, логика тут простая. Поскольку рукопись понесла ущерб, то, по-видимому, утерянная часть заключала в себе то, что желательно мистери Бюхелеру: а ученые так и не сумели обнаружить ошибку в его выкладках.

Председатель (*читает из письма*). «На протяжении последних десяти лет изучение классической науки занимало преимущественную долю моего досуга...»

АЭХ. Но я долго жил среди людей.

---

¹⁷⁰ В 1892 г. из числа 19 претендентов Хаусмен был избран на место профессора латинского языка в Лондонском университетском колледже. Заключение комиссии указывает, что филологические работы Хаусмена и рекомендации коллег перевесили его неудачно складывавшуюся университетскую карьеру и десятилетний отрыв от академической среды.

¹⁷¹ Здесь и далее в сцене цитируются характерно резкие отзывы о классических филологах из нескольких статей и рецензий Хаусмена.

¹⁷² Франц Бюхелер (Franz Buecheler, 1827 – 1908) – немецкий ученый-классик.

Председатель. Копии рекомендаций мистера Хаусмена прилагаются.

АЭХ. Конъектуры, в разумении мистера Маркса ¹⁷³, делятся на три сорта: во-первых, конъектуры самого мистера Маркса, во-вторых, конъектуры человечества вообще и, в-третьих, конъектуры отдельных одиозных персон.

Комиссия. Чиновник Почтовой службы?

Председатель. Патентной службы... вот поощрительные письма от профессоров латыни из Оксфорда и Кембриджа, латыни и греческого из Дублина, вот редактор *ClassicalReview*... Уоррен, президент Магдалины...

АЭХ. Широта и разнообразие невежества Фрэнкена ¹⁷⁴ восхитительны. По глупости замысла и неряшливости исполнения его *apparatusmucus* превосходит *apparatus* Брейтера ¹⁷⁵ в издании Манилия, и я еще не видывал другого, о котором бы можно было сказать подобное.

Председатель (*Постгейту*). Он пользуется расположением коллег?

АЭХ. При очной ставке с двумя рукописями равного достоинства он начинает уподобляться ослу меж двух охапок сена и смятенно воображать, что, если одну охапку отнимут,

---

¹⁷³ Фридрих Маркс (Friedrich Marx, 1859 – 1941) – немецкий ученый-классик, издатель Цицерона (1923) и Авсония (1931).

¹⁷⁴ Корнелий Фрэнкен (Cornelius M. Francken, 1820 – 1900) – нидерландский ученый-классик.

¹⁷⁵ Теодор Брейтер (Theodor Breiter) – немецкий ученый-классик, издатель Манилия (1908).

он перестанет быть ослом.

Постгейт. Он... широко известен.

АЭХ. Его заметки порочны настолько, таким клубком спутаны в них всевозможные бессмыслицы, что любые опровержения словно бы неуместны; главную же цель автор видит в замалчивании полезных сведений, с тем чтобы освободить место для долгого перечня своих конъектур, которые бесчестят человеческий интеллект.

Комиссия (*читают*). «Когда мистер Хаусмен принял мой шестой класс, он показал себя внимательным и благожелательным учителем...»

АЭХ. Обладая низкой литературной культурой, он не обратится от безграмотного, не смутится оскорбительным и посмакует шероховатое; при этом он готов защищать *pronos* против *privos*¹⁷⁶ Бентли как крайне поэтичную конъектуру; Бентли, однако, никогда не отрицал, что эта фраза поэтична, он лишь отрицал, что это – латынь.

Комиссия (*читают*). «Проницательность и тщательность, недостающие Бентли...» Это

Уоррен. «...Один из наиболее интересных и привлекательных учеников на моей памяти...»

Председатель...и Робинсон Эллис из Тринити... «Лично я всегда находил мистера Хаусмена приятным и скромным человеком».

АЭХ. Ни одному слову не уберечься от Эл-лиса, если ему

---

¹⁷⁶ *Pronos* от *pronus* – наклоненный; *privos* от *privus* отдельный, частный (*лат.*).

на ум придет другое, не хуже прежнего. Пытаться следовать за его мыслью – все равно как быть в постоянном общении с ребенком-идиотом. Он – прирожденный ненавистник науки, который наполняет страницы до половины отстоями итальянского Ренессанса и, взывая к читательским суевериям, пытается убедить их, что собирает с терновника виноград и с репейника смоквы ¹⁷⁷.

Председатель. Что ж... Профессор Постгейт?

Постгейт. М-м-м.

АЭХ. Глубокий сон охватывает болезненную чуткость мистера Постгейта, когда дело доходит до *modo* ¹⁷⁸ в строке одиннадцать, и здесь грамматике можно лишь пожелать доброго сна.

Комиссия. Да. Что *вы* скажете, Постгейт?

АЭХ. Когда дело доходит до Постгейтовых *voces* вместо *noctes* ¹⁷⁹ в тридцать третьей, я положительно теряю дар речи.

Постгейт. Я вынужден заявить личный интерес.

АЭХ (*продолжает*). Этой поправкой Постгейт лишает смысла всю элегию от начала до конца.

Постгейт. Мистер Хаусмен подал прошение на этот пост по моему настоянию. Я думаю, весьма вероятно, что он –

---

¹⁷⁷ Здесь цитируется рецензия Хаусмена «Review: R. Ellis, *Catulli Carmina*» (Classical Review, 19, 1905. P. 121 – 123).

¹⁷⁸ Недавно, только (*лат.*). Хаусмен критикует конъектуру, принятую Постгейтом, в статье *Emendationes Propertianaе*.

¹⁷⁹ Ночи (*лат.*).

ведущий ученый-классик в Англии. Хотя он не всегда прав насчет Проперция.

Председатель (*закрывает собрание*). *Tempus fugit. Nunc est bibendum!*¹⁸⁰

Комиссия удаляется.

АЭХ. Только я, не без раздумий и труда, привел этот малолюбопытный сад в приличествующий порядок, мистер Постгейт принялся прорубать дыру в заборе с вдохновенной целью восстановить в рукописях Проперция хаос. Все орудия, им используемые, обоюдоостры, хотя каждое из лезвий затупилось. Не без тягостных чувств, я все же считаю своим долгом...

Свет на Постгейта.

Постгейт (*сердито*). Ваша *stemma codicum*¹⁸¹ порочна до самого основания, а если не выбирать выражений, она целиком ложна. Ваш просчет в том, что вы полагаетесь на датировку Неаполитануса¹⁸² по Беренсу.

АЭХ. Вы видели статью?

Постгейт. Я приступаю к написанию ответа. Я намерева-

---

¹⁸⁰ Время бежит. Теперь надо пить (*лат.*). Время бежит. Теперь надо пить (*лат.*).

¹⁸¹ *Stemma codicum* – букв, родословное древо кодексов (*лат.*). Методика текстологического анализа, при котором известные рукописи организуются в генеалогическое древо по хронологическому принципу. При восстановлении оригинального текста такая техника позволяет выделить самостоятельные изводы и списки.

¹⁸² *Codex Neapolitanus* – список Проперция, обнаруженный в Неаполе.

юсь вас осрамить.

АЭХ. Статью.

Постгейт. О...

АЭХ. Оскар Уайльд арестован.

Постгейт. О...

АЭХ. Я и понятия не имел, что задену вас, Постгейт.

Постгейт уходит.

Свет на Стэда, Лябушера и Гарриса – все с открытыми газетами. Возможно, в вагоне поезда.

Стэд. Признан виновным и приговорен к двум годам тяжелых работ!

Лябушер (*читает*). «Культ эстетизма в его отвратительной форме пресечен».

Гаррис (*читает*). «Откройте окна! Впустите свежий воздух!... от нашего Театрального Критика».

Лябушер. Осужден по статье из поправки Лябушера!

АЭХ.

О, кто этот юный грешник, на запястьях кандалы?

Кем он стал, пройдя сквозь вопли, сквозь угрозы и хулы?

И куда же он плетется, жалкий, как побитый пес?

О, его ведут в темницу за неверный цвет волос. ¹⁸³

---

¹⁸³ «О, кто этот юный грешник, на запястьях кандалы?» – см. стихотворение XVIII в сборнике Хаусмена *Additional Poems*. В переводе С. Маршака опубли. в кн.: Английская поэзия в русских переводах. XX век. На англ. и рус. яз. М.: Радуга, 1984. С. 97.

Гаррис. Я умолял его покинуть страну. Я ждал его с закрытым кэбом на Гайд Парк Корнер и с яхтой в Грейвсенде, чтобы забрать во Францию...

Лябушер (*Стэду*). Два года совершенно несоразмерны. (*Гаррису.*) Нет, Фрэнк. Ты пригласил его пировать в *CaféRoyal*. (*Стэду.*) Я добивался максимального приговора в семь лет.

Гаррис... с ужином из омаров на борту и бутылкой «Помери», а также с маленьким собранием французских и английских книг.

Лябушер. Послушай, никакая не яхта, а столик в *CaféRoyal*. (*Стэду.*) Генеральный прокурор убедил меня, что нерешительные присяжные скорее утвердят приговор в два года.

Гаррис. Ты ведь выступил с поправкой, чтобы провалить законопроект, – ты сам мне это рассказывал.

Лябушер. Кто же поверит тебе!

Стэд. Если бы вкусы Оскара Уайльда касались свежих невинных девиц лет, скажем, шестнадцати, никто бы его и пальцем не тронул.

Лябушер. Я провел эту поправку, потому что Стэд известил меня прямо перед прениями, что в некоторых районах Лондона проблема непристойного поведения среди мужчин столь же серьезна, как проблема с девицами.

Гаррис. В некоторых районах Лондона нет ни малейшей проблемы с девицами.

Стэд. Что касается девиц, то просвещенному языку лучше умолчать о страстях, царящих в некоторых районах.

Гаррис. Я именно об этом.

Темнота.

АЭХ.

Руки в кровь дерут канаты, неизменна колея.

Стужа ль, зной – артель в карьере портлендском ему семья.

А схватить глоток досуга среди работы довелось –

Проклинать он может Бога за неверный цвет волос ¹⁸⁴.

Вплывают трое в лодке. Джером на веслах, Чемберлен (Джордж) пытается играть на банджо, (Фрэнк) Гаррис читает первое издание «Шропширского парня» ¹⁸⁵.

Чемберлен, одиннадцатью годами старше, усатый, в полосатом пиджаке ядовитых цветов Джером и Гаррис – в твидовых жилетах и легких брюках с отворотом.

Чемберлен. Та-ра-ра... держи правее, Джей. Та-ра-ра-бум...

Джером. Хочешь взять весла?

Чемберлен. Нет, у тебя прекрасно получается... бум-ди-эй...

Гаррис / Джером. Джордж, заткнись!

---

¹⁸⁴ Перевод П. Сошкина.

¹⁸⁵ «Шропширский парень» (*A Shropshire Lad*) – первый сборник стихов А. Э. Хаусмена (1896). Первое издание вышло в свет на средства автора.

Гаррис. Кто-нибудь проголодался?

Чемберлен. Гаррис бездельничает с самого Хенли.

Гаррис. Когда Чемберлен сказал, что мы пойдем вверх по реке, я решил, что речь идет о лодке, которая перевезет людей из одного места в другое. Обратный распорядок мне в голову не приходил. Лично мне не было никакого резона перемещать лодку оттуда, где она была; по мне...

Чемберлен / Джером. Гаррис, заткнись!

Чемберлен. Где мы, Джей?

Джером. Подходим к Редингу.

Чемберлен. Рединг!

Смотрят вперед.

Мы минуем тюрьму?

Джером. Может быть, Оскар увидит, как мы проплываем... В «Савое» он всегда просил комнату с видом на реку.

Гаррис (*торжественно*). Проститутки плясали на улицах.

Чемберлен. Джей тоже плясал.

Джером. Ничего подобного. Это правда, что в качестве редактора популярной газеты я считал своим долгом выразить протест, но я не испытываю гордости от того факта, что я, как, по-видимому, и все прочие, кто косвенным образом нес ответственность за трагически развернувшееся...

Чемберлен / Гаррис. Заткнись, Джей!

Джером. Я не раскаиваюсь. Я бы, может быть, раскаялся, если бы он утаивал свой злосчастный порок как джентльмен.

Чемберлен. Например, позируя в роли джентльмена.

Джером. Именно. Его труды тоже не будут долговечны. Декаданс – это тупиковый путь в английской жизни и словесности. Здоровый юмор и дивные добрые небылицы. Загляните в Шекспира.

Чемберлен. Или в твои книги.

Джером. Об этом не мне судить.

Чемберлен. Верно, Гаррис, хватай его за ноги.

Джером. Эти стихи мне дал Робби Росс¹⁸⁶. Робби заучил несколько наизусть, чтобы прочесть Оскару на свидании в тюрьме.

Джером. Ах да, Госси¹⁸⁷ как-то рассказывал мне, кто этот Хаусбот, которого Робби так любит.

Гаррис. Не Хаусбот. А. Э. Хаусмен.

Чемберлен. Альфред Хаусмен?

Гаррис. Похоже, он сошелся с дурными людьми в Шропшире. Никогда еще не читал книг о том, что мертвым быть лучше, чем живым.

Чемберлен. Это он!

Гаррис. Никакого спасу нет: если тебя не застрелили, не повесили и не зарезали, иди и убей себя сам. Жизнь – вот

---

¹⁸⁶ Роберт Росс (Robert Ross, 1869-1913) - близкий друг и душеприказчик Оскара Уайльда. Росс настаивал на отъезде Уайльда перед судебным процессом, защищал литературные и имущественные интересы Уайльда во время заключения и последующей эмиграции. После смерти Уайльда в 1900 г. Росс руководил изданием и распространением литературных трудов друга.

¹⁸⁷ Госси, сэр Эдмунд Госс (Sir Edmund Gosse, 1849 – 1928) – британский литератор, переводчик, историк литературы и критик.

проклятие, жизнь – вот беда, Бог – недотепа, вишневый цвет – мил весьма.

Чемберлен. Он профессор латыни.

Джером. Но повадки у него греческие, а, Джордж?

Чемберлен. Года три или четыре назад он был простым клерком в нашей конторе.

Джером. В смысле, уранические повадки.

Чемберлен. Как это определить?

Джером. Я бы смог. Есть ли что-то необычное в том, как он одевается?

Гаррис. В отличие, например, от Джорджа?

Джером. Ловко он подметил, а, Джордж?

Чемберлен. Подтяни-ка весло, Джей.

Джером. Хочешь взять весла?

Лодка уплывает.

Одинокий АЭХ стоит под звездным небом. В отдалении – фейерверк. Юбилейная ночь¹⁸⁸, июнь 1897 года.

АЭХ.

Ах, кто-то грезил
Легко, беспечно
О славе вечной,
О пылкой страсти.
О бедах думал
Я так упорно,

---

¹⁸⁸ Юбилейная ночь – празднования по поводу шестидесятилетия правления королевы Виктории (Бриллиантовый юбилей) пришились на июнь-июль 1897 г.

Пришли в час черный –
Я тверд в несчастье ¹⁸⁹.

Чемберлен, того же возраста, что на лодке, но в обычной одежде, присоединяется к АЭХ на вершине холма.

Чемберлен (одновременно с АЭХ).

Пришли в час черный –
Я тверд в несчастье.
Подтяни-ка весло.

АЭХ (обрадованно). Чемберлен! Я не вспоминал о тебе много лет! У тебя усы!

Чемберлен. Привет, старина. Насчет усов не уверен, но что-то эдакое на мне растет.

АЭХ. Растет, и недурно.

Чемберлен. Только подумать, ты дожил до пожилых лет. Я бы на тебя и шестипенсовика не поставил, такой уж у тебя был вид тогда.

АЭХ. Когда?

Чемберлен. Да почти постоянно. Ну то есть не в счастливые дни. А когда Джексон уехал учителем в Индию. Нет – еще раньше. Нет – позже, когда он вернулся домой, чтобы жениться. Нет – раньше; тогда тебя не могли найти неделю. Я еще подумал: ищите в реке, тут и гадать не надо. Но ты

---

¹⁸⁹ Перевод П. Сошкина. См. стихотворение VI в сборнике Хаусмена *More Poems*.

вернулся даже не промокнув. Я ведь говорил тебе, правда?

АЭХ. Говорил? Ах да, ты говорил мне.

Чемберлен. Впрочем, иначе ты бы, наверное, не написал стихов.

АЭХ. Это правда.

Чемберлен. «Злой ветер из той далекой страны пронзает дубравы и рощи»¹⁹⁰.

АЭХ. Если позволишь, я дам тебе совет, Чемберлен; не перевирай стихи, когда хочешь показать автору, что ты их читал.

Чемберлен. Я цитирую слово в слово. «О, быть бы нам вместе, спиной к спине, плыть через лето...»¹⁹¹ Что случилось с Джексоном?

АЭХ. Он вышел в отставку, поселился в Британской Колумбии, умер от рака.

Чемберлен. «Пусть лавр и расцветает раньше, быстрее розы вянет он».¹⁹²

АЭХ. Это отвратная привычка, Чемберлен, – я запрещаю тебе.

---

¹⁹⁰ «Злой ветер из той далекой страны...» – Чемберлен совмещает в цитате строки двух разных стихотворений (XXXI и XXXX) из сборника Хаусмена *A Shropshire Lad*.

¹⁹¹ «О, быть бы нам вместе...» – см. стихотворение II в сборнике Хаусмена *Additional Poems*.

¹⁹² «Пусть лавр и расцветает раньше...» – см. стихотворение XIX *To the Athlete Dying Young* в сборнике Хаусмена *A Shropshire Lad*. Переводы В. Топорова и С. Мар см. в кн.: Английская поэзия в русских переводах. XX век. С. 79, 682.

Чемберлен. Но мне нравятся эти стихи, честное слово. Дубравы и рощи. Препоны. Сукровица. Старые добрые слова. Никогда не знал, что они значат. Но – настоящая поэзия, ничего не скажешь. А ты – изрядный плут. Ты, должно быть, все время писал стихи в Торговых марках.

АЭХ. Не особенно. На меня что-то нашло двумя годами позже, в начале девяносто пятого, какой-то зуд. За пять месяцев того года я написал половину книги, пока не начал остывать. Это было время странного возбуждения.

Чемберлен. Процесс Оскара Уайльда.

АЭХ. Право слово, Чемберлен. Тебе бы биографией заняться.

Чемберлен. А что это за крестьянские сынки и пахари из Шропшира, которые мрут как мухи? Те, что не пошли слушать королеве и не сгнули в чужих краях.

АЭХ. Ландшафт моего воображения.

Чемберлен. «Поскольку любил тебя больше, чем достойно мужчине любить...»¹⁹³

АЭХ. Ты не мог бы утихомириться?

Чемберлен.

Но этой злосчастной любви все длиться,
Когда разделенная страсть испарится.¹⁹⁴

---

¹⁹³ «Поскольку любил тебя больше...» – см. стихотворение XXXI в сборнике Хаусмена *More Poems*

¹⁹⁴ см. стихотворение ХН в сборнике Хаусмена *More Poems*

Ты посылал их Джексону – те, что не вошли в книгу?

АЭХ. Нет.

Чемберлен. Ждал, пока умрешь?

АЭХ. Я делал это из учтивости. Исповедь – не что иное, как насилие над невинным. Видишь фейерверк? Бриллиантовый юбилей старой королевы. Я ведь был викторианским поэтом, не забывай.

Те же и Кэтрин. Ей – тридцать пять.

Чемберлен остается.

Кейт. От Кли костер до небес горит! ¹⁹⁵

АЭХ. Грандиозное зрелище. Я насчитал пятьдесят два костра на юге и на западе. В Малверне был самый большой, но он прогорел за час.

Кейт. Хороший костер в Кленте. Мальчики там.

АЭХ. Я их знаю?

Кейт. Твои племянники, Альфред!

АЭХ. Ах, твои мальчики, их я определенно знаю.

Кейт. И Миллингтоны с ними. Миссис

М. говорит, что гид по Шропширу из тебя никакой, – она поехала, чтобы взглянуть на церковь Хали, и у здания даже шпилья не оказалось, не говоря уж о кладбище самоубийц.

АЭХ. Последнее легко поправить. Я никак не ожидал, что книжка за два шиллинга и шесть пенсов, у которой едва разошелся первый тираж в пятьсот экземпляров, привлечет

---

¹⁹⁵ см. стихотворение I в сборнике Хаусмена *A Shropshire Lad*.

в Хали паломников. Я там даже не бывал, мне просто понравилось название.

Кейт. Лоренс считал, что он у нас в семье поэт, а теперь он знает «Шропширского парня» наизусть и декламирует любимые строки. В разговоре с ним кто-то назвал твою книгу любимой.

АЭХ. Я только надеюсь, что никто не приписывает стихов Лоренса мне.

Кейт. Это так мило, что он гордится тобой.

АЭХ. Да-да, мило.

Кейт. Мы все гордимся и восхищаемся. Клэм сказала: «У Альфреда есть сердце!»

АЭХ. Ничего подобного. Я был подавлен... из-за большого горла ¹⁹⁶, которое все не хотело проходить. В таком виде я мог писать стихи годами, но, по счастью, вспомнил сорт пилюль от кашля и излечился.

Кейт. Большое горло?!

АЭХ. В наказание за несдержанность в журнальной полемике. Ты умно поступила, Кейт, что прикинулась дурочкой, прежде чем тебя смогли раскусить.

Кейт. О, послушай! Жаворонки решили, что уже заря.

АЭХ. Или конец света.

---

¹⁹⁶ Большое горло. – В нескольких беседах А. Э. Хаусмен связывал начало своей поэтической деятельности в 1885 г. с длительными недомоганиями, в частности болезнью горла.

Кейт. Эх ты! Все тот же старина Альфред.

(Уходит.)

АЭХ. Но я намереваюсь перемениться. Еще порадую дневную сиделку тем, что начну развлекать всю больницу Эвелин. Я ввел в практику популярный стиль лекционного чтения; основа стиля в том, чтобы, читая, замечать присутствие студентов. Я еще вызову сенсацию тем, что обращусь с репликой к своему соседу за обедом в Холле. Пока что я размышляю над репликой. В Тринити у меня репутация придиры и мизантропа. Некоторые говорят, что это всего лишь застенчивость, – грубияны и дураки. Тем не менее я полон решимости. Дружелюбие – это способность терпеть дураков с радостью, и Кембридж предоставляет неограниченные просторы, чтобы упражняться в этом удовольствии. Я учредил в Тринити сгитте bгыййе, но если этого окажется недостаточно, то примусь беседовать с людьми. Ты все еще едешь на велосипеде?

Чемберлен. Да, у меня «робертсон». Я знаком с твоим братом Лоренсом. Мы принадлежим к своего рода тайному обществу, «Орден Херо-неи», вроде Священного отряда Фив. У нас это скорее дискуссионная группа. Мы обсуждаем, как нам себя именовать. Недавно предложили имя – «гомосексуалисты».

АЭХ. Гомосексуалисты?

Чемберлен. Пока мы безымянны – нас будто нет.

АЭХ. Гомосексуалисты? Кто в ответе за это варварство?

Чемберлен. А что здесь плохого?

АЭХ. Это наполовину латынь, наполовину греческий!

Чемберлен. Похоже, ты прав. Кстати, что случилось со мной?

АЭХ. Откуда мне знать? Верно, превратился в постраничную сноску. (*Прислушивается.*) Слушай!

Слабо играет «Марсельеза».

Чемберлен. «Марсельеза». Необычно, правда? Для юбилея королевы.

АЭХ. Оскар Уайльд жил во Франции, на побережье у Дьепа. Я послал ему книгу, когда он вышел из тюрьмы.

Чемберлен погружается в темноту.

Слабый отзвук детских голосов, поющих «Марсельезу», перебивает сильный звучный голос Оскара Уайльда. Он декламирует.

Уайльд, сорока одного года, читает из собственного экземпляра «Шропширского парня». Он пьет бренди и курит сигарету.

Вокруг него следы детского праздника в честь бриллиантового юбилея: гирлянды, Юнион Джек¹⁹⁷ и триколоры¹⁹⁸, остатки большого разукрашенного торта.

Уайльд.

Убит? Конец мгновенный, чинный?

---

¹⁹⁷ Юнион Джек – национальный флаг Великобритании.

¹⁹⁸ Триколор – национальный флаг Французской Республики.

Не промах парень – прямо в лоб.
Болезнь твоя неизлечима,
Уж лучше взять с собою в гроб.¹⁹⁹

Этот стих Робби не заучивал²⁰⁰, но не все ваши поэмы были мне в новинку, когда я вскрыл ваш пакет.

Ты всё предвидел, всё продумал,
Прозрел, куда твой путь пролег,
К поре отважный, мудрый с юну...

АЭХ. Мои стихи – стоит им зазвучать – словно докучливые друзья.

Уайльд.

К поре отважный, мудрый с юну –
Бестрепетно спустил курок.
Бедный, глупый мальчик!

АЭХ. Я читал отчет о разбирательстве в «Ивнинг стандарт».

Уайльд. О, хвала небесам! Вот почему я не поверил ни единому слову в вашей поэме.

АЭХ. Но это правда.

Уайльд. Отнюдь, это лишь факт. Правда – совершенно

---

¹⁹⁹ см. стихотворение XLIV в сборнике Хаусмена *A Shropshire Lad*.

²⁰⁰ см. выше, Роберт Росс.

другая материя; это работа воображения.

АЭХ. Я уверяю вас. Это случилось вскоре после вашего процесса. Он был кадетом из Вулича ²⁰¹. Вышиб себе мозги, чтобы не жить в позоре и не навлечь позор на других. Он оставил письмо для следователя.

Уайльд. Само собой, оставил, и вам стоило бы отправить свою поэму следователю. Искусство занимается исключениями, не типами. Типы – это материал для фактов. Вот тип молодого человека, который застрелился. Он прочел об одном самоубийце в «Ивнинг ньюс» и сам застрелился в «Ивнинг стандарт».

АЭХ. Но, позвольте!

Уайльд.

О, рано, – чтоб не ждать проклятий,
В бесчестье от стыда горя.
Тобой убит семьи предатель –
Душа, что в мир явилась зря ²⁰².

Опять-таки, если бы он не застрелился до чтения вашей поэмы, застрелился бы после. Я не лишен сантиментов. Я даже осмелюсь предположить, что разрыдался бы, прочти я ту газету. Но от этого газета не становится поэзией. Искус-

---

²⁰¹ Кадет из Вулича застрелился через два месяца после вынесения приговора Оскару Уайльду, чтобы не подвергаться преследованиям за гомосексуализм. Этот случай дал сюжет стихотворению XLIV в сборнике *A Shropshire Lad*.

²⁰² Перевод П. Сошкина.

ство не может быть подчинено своему объекту, иначе это не искусство, но биография, а биография – это сито, которым нашу настоящую жизнь не уловить. Обо мне говорили, будто я ходил по Пикадилли с лилией в руке. Мне даже не пришлось этого делать. Сделать нечто – пустяк; заставить говорить, что ты сделал нечто, – вот что важно. Теперь это правда обо мне. У шекспировской Смуглой Леди, вероятно, было зловонное дыхание, – почти у всех пахло изо рта, пока я не дошел до третьего года в Оксфорде, – но искренность – это враг искусства. Вот чему научил меня Пейтер и что Рёскин так и не смог усвоить. Рёскин обращал добродетель в грех. Бедный Пейтер, может, и обратил бы грех в добродетель, но, как и вашему кадету, ему не хватало мужества, чтобы действовать. Я завтракал с Рёскином. На чай пришел Пейтер. Один – импотент, другой – трус: оба они боролись за мою артистическую душу. Но я подхватил сифилис у проститутки, и мои зубы почернели ²⁰³ от лечения ртутью. Мы встречались в Оксфорде?

АЭХ. Нет. Однажды мы напечатали стихи в одном журнале. Мое посвящалось умершей матушке. Ваше было о зверствах турок в Болгарии.

Уайльд. О да, я поклялся не прикасаться к турецкому шампанскому и есть исключительно болгарский рахат-лу-

---

²⁰³ Лечение сифилиса ртутью считалось в начале XX в. наиболее эффективным. По свидетельствам современников, передние зубы, почерневшие от вдыхания паров ртути, Уайльд при разговоре обычно прикрывал рукой.

кум. Вы любите торт? Я пригласил пятнадцать детей из деревни, чтобы отпраздновать юбилей. Мы поднимали тосты за королеву и президента Республики, а дети кричали: «Vive Monsieur Melmoth». Месье Мельмот²⁰⁴ – это я. Мы ели клубнику, и шоколад с гранатовым сиропом, и торт, и каждый ушел с подарком. Это была одна из самых удачных пирушек. Вы бывали на моих пирушках в Лондоне? Нет? Но у нас должны быть общие друзья. Бернард Шоу? Фрэнк Гаррис? Бердслей²⁰⁵? Лябушер? Уистлер²⁰⁶? У. Т. Стэд? Вы знали Генри Ирвинга²⁰⁷? Лили Лэнгтри²⁰⁸? Нет? Принца Уэльского? У вас *были* друзья?

АЭХ. У меня были коллеги.

Уайльд. Однажды я купил ворох лилий в Ковент-Гардене,

---

²⁰⁴ Себастьян Мельмот (Sebastian Mel-moth) – один из псевдонимов Оскара Уайльда.

²⁰⁵ Обри Бердслей (Aubrey Beardsley, 1872 – 1898) – знаменитый английский иллюстратор и художник, литератор. Близкий друг Оскара Уайльда. Среди наиболее известных работ – иллюстрации к «Смерти Артура» Томаса Мэлори (1893 – 1894), к английскому изданию пьесы Уайльда «Саломея» (1894). Один из издателей журналов *The Yellow Book* и *The Savoy*.

²⁰⁶ Джеймс Уистлер (James Abbot McNeill Whistler, 1834 – 1903) – великий американский живописец, гравер и дизайнер, ключевая фигура европейского модернизма и прерафаэлизма.

²⁰⁷ Генри Ирвинг (Henry Irving, 1838 – 1905) – знаменитый английский актер и режиссер, особенно известен ролями в шекспировских трагедиях. Выступал как чтец и лектор. В 1878 – 1898 гг. руководил лондонским театром «Лицеум».

²⁰⁸ Лили Лэнгтри (Lily Langtry, 1853-1929) – английская актриса, считалась одной из красивейших женщин своего времени. В 1925 г. издала ставшую знаменитой автобиографию *The Days I Knew*.

чтобы подарить мисс Лэнгтри, и пока я ждал кэб, какой-то мальчик сказал мне: «Ох, какой вы богатый!...» «Ох, какой вы богатый!» (*Плачет.*) О... простите меня. Меня несколько расстроил... торт. Я старался отказаться от него; всякий раз, слабея, я выпивал стакан коньяку; часто я по целым дням не ем торта; но юбилей сломил мою волю, я позволил себе светский эклер и не помнил более ничего, пока не очнулся в груди печений. О, Бози ²⁰⁹! (*Плачет.*) Я должен вернуться к нему, понимаете? Робби будет в бешенстве, но тут ничего не поделать. Измена другу – как пушок на весах любви, но об измене самому себе сожалеешь всю жизнь. Бози – вот что из меня вышло. Он испорчен, мстителен, крайне эгоистичен и не слишком одарен, но это лишь факты. Правда в том, что он был Гиацинтом, когда Аполлон полюбил Гиацинта, он весь – слоновая кость и золото, с его губ, подобных розовым лепесткам, исходит музыка, которая наполняет меня восторгом, он единственный, кто меня понимает. «Когда прорезы-

---

²⁰⁹ Бози, лорд Альфред Дуглас (Bosie, lord Alfred Douglas, 1870 – 1945) – британский поэт, переводчик. Выпускник Оксфорда, Дуглас публиковал в студенческих журналах первые поэтические опыты. Ему принадлежит английский перевод пьесы «Саломея» Уайльда (1894). В 1892 г. началась любовная связь Дугласа и Уайльда. На время судебного процесса над Уайльдом (1895) Дуглас переехал во Францию, чтобы избежать дачи свидетельских показаний. Во Франции вышел его первый сборник стихов (1896), который был переиздан в 1899 г. в Англии. По освобождении Уайльда их связь возобновилась во Франции. В 1923 г. Дуглас был приговорен к полугодовому заключению за клевету в адрес Уинстона Черчилля. Дуглас редактировал несколько литературных журналов и входил в артистическую группу «Эйфелева башня» наряду с Диланом Томасом, Роналдом Фербанком, Олдосом Хаксли и др.

ваются зубы, бывает зуд; так же раздражена душа того, кто взирает на красоту юноши; он не может ни спать ночью, ни днем оставаться на одном месте»²¹⁰, и еще много тому подобного, но прежде чем Платон смог описать любовь, нужно было изобрести возлюбленного. Мы бы не знали любви, если б могли видеть дальше собственного изобретения. Бози – мое творение, моя поэма. Любовь открыла себя в зеркале изобретения. Тогда лишь мы увидели, что творили, – сжимали кусок льда в кулаке, который не удержать и не выпустить. *(Плачет.)* Вы так добры, что слушаете меня.

АЭХ. Нет. Моя жизнь отмечена долгими молчаньями. Первая конъектура, которую я опубликовал, была из Горация. Шестью годами позже я от нее отказался. Проперция я отложил в сторону чуть ли не пятьдесят лет назад в надежде, что обнаружится лучший список. Мне казалось важным переждать, если есть хоть малейшая надежда на восстановление текста. Пока – тишина. Тем временем я защищал классических авторов от поправок идиотов и издал Овидия, Ювенала, Лукана и, наконец, Манилия, которого посвятил моему товарищу Мозесу Джексону, – это и все, вот мой песоч-

---

²¹⁰ «Когда прорезываются зубы...» – парафраз из «Федра» Платона: «Когда прорезываются зубы, бывает зуд и раздражение в деснах – точно такое же состояние испытывает душа при начале роста крыльев: она вскипает и при этом испытывает раздражение и зуд, рождая крылья. Глядя на красоту юноши, она принимает в себя влекущиеся и истекающие оттуда частицы <...> в недоумении она неистовствует, и от испуга не может она ни спать ночью, ни днем оставаться на одном месте». *(Платон. Федр, 25 к-е. Пер. А. Н. Егунова / Указ. соч. С. 160 – 161).*

ный замок близ разрушительного моря. Не считая классики, моя жизнь оказалась не настолько короткой, чтобы избежать ошибок, которых я хотел избежать; но ошибок было не много, и шакалы раскопают их с трудом. Я несколько раз переезжал; однажды, как говорят, из-за того, что во время обычной поездки в университет со мной заговорил незнакомец. Это не так, но это правда обо мне. В год бриллиантового юбилея я впервые отправился за границу.

Уайльд. Вот и мой лодочник. От него я узнал, что вы профессор латыни. Впрочем, он щедр на титулы и частенько жалуется профессорским званием весьма неподходящих особ. Хотя многие из них и правда оказываются главами кафедр в наших старейших университетах.

АЭХ. Я сожалею о вас. Ваша жизнь – ужасна. Хронологическая ошибка. Выбор не всегда находился между самоотречением и безрассудством. Вам нужно было родиться в Мегаре, где творил Феогнид²¹¹, – он даровал любовнику песнь, пропетую на все века, – но не сегодня, когда в цене жертвенность и воздержность, когда дурная слава стала памятником вашей безымянной злосчастной любви.

Уайльд. Мой дорогой коллега, сто франков помогли бы мне больше ваших утешений. Лучше быть павшей ракетой, чем жить без вспышек. В своем Аду Данте отвел место для

---

²¹¹ Феогнид (Theognis, VI в. до н. д.) – древнегреческий гномический поэт из Мегары. Сохранившиеся элегии Феогнида посвящены мальчику-возлюбленному, Кирну.

тех, кто по своей воле пребывает в унынии, – как он говорит, печалится в эфирной сладости ²¹². «Честь» ваша – это один лишь стыд, и боязливость, и потворство. Незапятнанность! Художник всегда тайный преступник среди людей. Он – ходатай прогресса перед властью. Вы были правы, став ученым. Ученый весь в колебаниях, у художника их нет. Художник должен лгать, мошенничать, обманывать, быть неверным природе и непочтительным к истории. Я превратил жизнь в искусство и в этом безоговорочно преуспел. Пламя моей жертвы осветило каждый уголок страны, где бесчисленные молодые люди прозябали поодиночке во мраке. Что бы я делал в Мегаре?! Подумайте, сколько бы я упустил! Я разбудил воображение эпохи. Я столкнул Рёскина и Пейтера лбами; из суровой морали одного и эстетской души другого я сделал искусство философией, которой не стыдно заглянуть в глаза двадцатому веку. У меня был гений, блеск, дерзание, я взял собственный миф в свои руки. Я погрузил посох в улей с диким медом. Я укусил запретной сладости и испил от похищенных вод ²¹³. Я жил в поворотной точке, когда все в мире просыпалось заново: Новая драма, Новый

---

²¹² Парафраз стихов 121 – 124 седьмой песни «Ада» Данте: «В воздухе родимом, / Который блещет, солнцу веселясь, / Мы были скучны, полны вялым дымом; / И вот скучаем, втиснутые в грязь» (*Данте Алигьери. Божественная комедия. Пер. М.Лозинского. М.: Наука, 1968. С. 38*).

²¹³ Испить от похищенных вод – эвфемизм, предложенный Э. М. Форстером для обозначения однополрой любви в рецензии на сборник Хаусмена *More Poems* (Listener, 1936).

роман, Новая журналистика, Новый гедонизм, Новое язычество, даже – Новая женщина. Где были вы, когда все это происходило?

АЭХ. Дома.

Уайльд. Не могли бы вы хотя бы обзавестись Новым портным? Мы плывем вместе?

АЭХ. Нет, я подъеду позже.

Уайльд. Вы не вспомнили о своих стихах. Как можете вы быть несчастливы, зная, что вы их написали? Они единственные имеют значение.

Перевозчик помогает Уайльду взойти на борт.

Но вы не мой лодочник! Себастьян Мель-мот *a votre service*.

Лодочник. Садитесь посредине.

Уайльд. Разумеется.

Лодочник отплывает с Уайльдом.

Хаусмен сидит на скамье у реки, рядом на скамье несколько книг.

АЭХ. Могу я спросить, чем вы здесь занимаетесь?

Хаусмен. Классикой, сэр.

АЭХ. А, разумеется. На каком вы году сейчас?

Хаусмен. Это мой последний год.

АЭХ. Мой тоже; на деле я уже почти мертв. А как *вы* себя чувствуете? (*Берет у Хаусмена книгу.*)

Хаусмен. Неплохо, благодарю вас, сэр.

АЭХ. Проперций!

Хаусмен. Первый из римских элегиков. Вообще, Проперция не задавали для экзаменов. Мне стоило бы подучиться, все ожидают, что я получу высший балл. И моя семья тоже. Я старший, и я всегда был... отличником... Мне бы отложить Проперция, но мы и так уже опаздываем! В следующем году кое-кто выпускает Проперция, его имя Постгейт. Кто знает, сколько моих конъектур он предвосхитит?

АЭХ. Да, кто знает. Кстати, прежде чем вы это напечатаете, – первым из римских элегиков был, строго говоря, не Проперций. Корнелий Галл ²¹⁴.

Хаусмен. Галл?

АЭХ. Истинно и непреложно.

Хаусмен. Но я не читал его.

АЭХ. Я тоже. От Галла осталась одна строка. Остальное погибло.

Хаусмен. О!

АЭХ. Но, строго говоря – что я и делаю во сне, – он был первым.

Хаусмен. Памятник из одной строки!

АЭХ. Вергилий посвятил ему поэму: сколько бессмертия требуется человеку? Поэзии Галла, всей, кроме единой стро-

---

²¹⁴ Корнелий Галл (Cornelius Gallus, 69-26 до н.э.) – латинский поэт. Галл был назначен первым римским наместником Египта в 30 г., но позже попал в опалу и покончил жизнь самоубийством. Вергилий, посвятивший Галлу концовку «Георгик», вынужден был от нее отказаться. Галл был известен новаторскими любовными элегиями, до нас не дошедшими. Элегии посвящались «Ликориде» – актрисе Кифериде, которая была также возлюбленной Марка Антония.

ки, словно и не бывало, но его память живет в саду в гиперборейской провинции империи, которая исчезла пятнадцать веков назад. Сделать такое для друга – не так уж мало.

Хаусмен. Да. (Пауза.) Хорошая строка?

АЭХ. С большим подтекстом, как водится. Насчет его смерти от любви я не уверен. Он сражался на победившей стороне против Антония и Клеопатры, а затем был поставлен управлять Египтом – недурное выдвижение для поэта. Но он чересчур занесся, и император пожурил его, отчего Галл совершил самоубийство. Но к тому времени он изобрел любовную элегию.

Хаусмен. Его упоминает Проперций. «Недавно, сколь много ран омыл Галл в водах Преисподней, умерший от любви к прекрасной Ликориде!»²¹⁵ Недавно. *Modo*. Только что. Они были живыми людьми друг для друга, вот в чем дело. Знали поэмы друг друга. Знали девушек друг друга. Вергилий все это помещает в золотой век, с флейтами Пана и козопасами, и даже с Аполлоном, – но Вергилию веришь. Живые люди с живой любовью обнажают свои души в поэзии, которая дает бессмертие их любовницам! Все это случилось в такой короткий срок. Как будто при них вся прежняя поэзия сочилась через узкую протоку, где горстка поэтов выжидаяще решала, какой быть поэзии впредь. А затем все-

---

²¹⁵ Недавно, сколь много...» – См. «Только недавно лишь Галл, Ликоридой прелестной изранен, / Сколько мучительных язв там, под землею, отмыл» (Проперций. Элегии, II, 34. Пер. Л. Остроумова // Катюлл. Тибулл. Проперций. С. 362).

му пришел конец, и был сотворен любовный стих, любовь, какой она предстает в жизни.

АЭХ. О да, прежде слагали песни... Валентины – в основном на греческом, часто очаровательные... но самовоспевание любви как фарса и бессмыслицы, как омерзительного рабства и всеохватной войны – как сумасшествия, немочи, катастрофы, безропотно принятой и метрически изложенной, – нет; это было в новинку.

Хаусмен. О!

Джексон (*за сценой*). Хаусмен!

Поллард (*за сценой*). Хаусмен!

Хаусмен. Извините, меня зовут.

Поллард (*за сценой*). Хаус! Пикник!

Джексон (*за сценой*). Акриды! Мед!

Джексон и Поллард подплывают на лодке.

Хаусмен (*в сторону лодки*). Я здесь.

АЭХ. Мо!

Поллард. Пора.

Хаусмен подходит к лодке и перебирается в нее.

АЭХ. Я бы умер за тебя, но счастье меня обошло!

Хаусмен. Куда мы плывем?

Поллард. В Аид. Держи правее, Джексон.

Джексон. Хочешь взять весла?

Хаусмен. *Tendebantque manus ripae ulterio-oris amore*²¹⁶.

---

²¹⁶ И тянули руки, томясь по другому берегу (*лат.*). См. выше, *Ripae ulterioris amore*.

Лодка уплывает.

АЭХ. «И они тянули руки, стремясь к другому берегу». Умника Вергилия удобно превратить в клише. И вот, Вергилий, Эней в Преисподней, души мертвых тянутся через реку *ripaeulteriorisamove*, лучшей картинкой и «Кодаком» не сделать, а непогребенные задержались на столетие в ожидании своей очереди. Я мог бы переждать сотню лет, если бы пришлось. Семьдесят семь проходят слишком быстро. Не то чтобы я их четко запомнил, пока возился в лодке с Мозесом и старым добрым Поллардом летним днем семьдесят девятого, или восьмидесятого, или восемьдесят первого; хотя и нет в этом ничего невозможного, ничего настолько нелепого, что не сошло бы за дневной морок в больничной палате, правда, собака остается под вопросом. И в то же время я недреманный, чуткий ко всем опасностям – архаизмам, анахронизмам, своенравным непоследовательностям, в которых одним только задним умом и устранишь *non se-quitur, quietusinterruptus*²¹⁷ с помощью монолога, изливающегося из ослиных мозгов низшего класса (благодарю покорно, я к нему пока еще не принадлежу); все союзы покатались под откос, хотя и откоса как такового не нашлось, – я все еще дрожу от того первого отвесного падения в *bathos*, «глубина» на греческом, а в риторике – шуточный спуск от возвышен-

---

²¹⁷ *non sequitur* – букв.: не следует, не является следствием (лат.), а также: нелогичный, непоследовательный вывод (англ.); *quietus* – конец, смерть (англ.), *interruptus* – прерванный (лат.); здесь: нарушенный покой.

ного к общим местам, как, скажем, от Вергилия к Джерому К. Джерому, пусть даже речь идет о горизонтальном уклоне, а когда это случилось? Ведь среди моих шалостей не найти прогулок по воде, как и отдельно взятых воды и прогулок. Не умерший, не уснувший, где-то посередине, имущий факты и небылицы, удобно обряженный в кожаные ботинки, для которых я был слишком умен и которые – внимание, факт – я отписал в завещании своему слуге в колледже. Они ему были малы, но важен не подарок, а внимание, и вот на что теперь перейдет наше внимание: в декабре тысяча восемьсот девяносто четвертого Джером К. Джером, прославленный автор книги «Трое в одной лодке (не считая собаки)», пошел штурмом на оксфордский журнал «Хамелеон», – который, как писал Джером, был не чем иным, как пропагандой попустительства в отношении противоестественного недуга. За ними, говорил он, должно установить полицейский надзор. Оскар Уайльд поместил в журнале страницу или две эпиграмм, чтобы ублажить одного оксфордского студента, ставшего ему другом, лорда Альфреда Дугласа. Дуглас и сам напечатал поэму – она заканчивалась так: «Я – та любовь, которая назвать себя не смеет»²¹⁸. Статья Джерома подвинула отца Дугласа на то, чтобы оставить визитку в Албер-

---

²¹⁸ «Я – та любовь, которая назвать себя не смеет». – «I am the love that dare not speak its name», последняя строка из поэмы Альфреда Дугласа *Two Loves*, опубликованной в оксфордском журнале *The Chameleon* в 1894 г. Эта фраза часто используется эвфемистически.

марл-клуб – «Оскару Уайльду в роли Содомита»²¹⁹. Из этого последовало все, что последовало. Чем я и демонстрирую, что знаю, что делаю, даже когда не знаю, что я это делаю, в часы между подтыканием одеяла и – подъем-подъем – слегка антисептический термометр под язык из закупоренной марлей прелестной вазочки на прикроватной тумбе.

Свет на Джексона, потом на Хаусмена.

Джексон. Что же из тебя выйдет, Хаус?

Хаусмен.²²⁰

κωτα μεν συ θέλεις, μακάρεσσιν ἴσαν αγω
αμέραν οτα δ' οὔκ εθέλησα, μάλ' ἐν σκότω.

---

²¹⁹ ...«Оскару Уайльду в роли Содомита». – «То Oscar Wilde posing as a Sodomite», текст на визитной карточке, оставленной лордом Джоном Дугласом Оскару Уайльду в лондонском клубе. В 1890-х гг. гомосексуальные связи Уайльда становятся все более обширными; в 1892 он знакомится с Бози, лордом Альфредом Дугласом. Джон Дуглас, отец Альфреда, узнает об отношениях сына с Уайльдом и передает их огласке. По настоянию Бози в 1894 г. Уайльд подает на лорда Джона Дугласа в суд за клевету, но проигрывает дело. Несмотря на угрозу ответного иска, Уайльд отказывается эмигрировать из Великобритании, и в 1895 г. ему предъявляется обвинение в гомосексуализме. В результате судебных разбирательств, подстегиваемых общественной кампанией против эстетизма во главе с Джеромом К. Джеромом, Уайльд был осужден за гомосексуализм и приговорен к двум годам каторжных работ. Уайльда объявляют банкротом и распродают имущество; его брак распадается.

²²⁰ Цитата из идиллии XXIX Феокрита, см. выше, Когда ты любезен, я провожу день как бог...

Джексон. Ты же знаешь, мне они никогда не давались – все эти *veni, vidi, via...*

Хаусмен. Когда ты любезен, я провожу день как бог; когда ты отворачиваешь лицо, мне все темно. Я дам тебе крылья. Ты будешь песней, пропетой в вечность, пока есть земля и солнце. А спустишься в скорбный чертог Аида, никогда – пусть ты и умрешь – не утратишь тебе твоей славы.

Хаусмен и Джексон погружаются в темноту. В дымке видно, как Харон перевозит Уайльда через Стикс.

Уайльд. Порочность – это миф, выдуманный одними людьми для объяснения курьезной притягательности других.

Всегда нужно быть несколько неправдоподобным.

Ничто из действительно происходящего не имеет ни малейшей важности.

АЭХ. Золотой век Оксфорда! Власяницы против эстетов; неохристиане против неоязычников, изучение классики ради утверждения прекрасного против изучения классики ради утверждения классических наук – какие страстные бури и – ох! – в каком мелком стакане! Вам нужно было прийти сюда вчера, когда я разыгрывал Аид как положено – с Фуриями, Гарпиями, Горгонами, не считая собаки. Но сейчас мне пора идти. Какое счастье обнаружить себя на этом пустом берегу, с безразличными водами у ног!

Погружается в темноту.

Послесловие

*В теле едином моем, что
дивисься ты образам многим?
Проперций, IV, 2*

Пьеса британского драматурга Тома Стоппарда «Изобретение любви» была опубликована в 1997 г. и после премьеры в Лондонском Королевском театре вошла в репертуары многих театров англоязычного мира. Герой пьесы – Альфред Эдвард Хаусмен (1859 – 1936), кембриджский профессор латыни и викторианский поэт. Мы предваряем комментарий к пьесе кратким биографическим очерком о Хаусмене.

Альфред Хаусмен родился в семье юриста в британском графстве Вустершир. Хаусмен увлекается классическими языками и поэзией еще в школьные годы: его переводы с латыни, как и собственные стихи, публикуются в местных газетах (позднее Хаусмен запретит перепечатку своих юношеских работ). По окончании школы Кинг Эдвард в Бромсгроуве Хаусмен выиграл конкурс на открытую стипендию в Оксфордский университет и в 1877 г. был принят на классическое отделение в колледж Сент-Джон.

В число оксфордских преподавателей классических языков входили видные филологи, чей вклад в изучение антич-

ности ощутим по сей день. Сам предмет и метод классической филологии претерпевают в те годы изменения: на смену литературоведческой критике античных текстов все чаще приходит текстологический анализ, призванный приблизить искаженный временем текст к оригинальному, авторскому. В университете Хаусмен приобретает репутацию блестящего студента, легко проходит промежуточные испытания. В 1887 г. Хаусмен знакомится с Альфредом Поллардом и Мозесом Джексоном; они остаются едва ли не единственными его друзьями в течение всей жизни. Привязанность к Джексону переходит в страсть, которая не встречает взаимности, но не ослабевает. В 1881 г. Хаусмен, которому прочат академическую стезю, проваливает выпускной экзамен. Причины неудачи до сих пор туманны: биографы Хаусмена объясняют ее то излишними занятиями Проперцием, не входившим в экзаменационную программу, то охлаждением в отношениях с Джексонем. Хаусмен возвращается к семье в Бромсгроув, где в течение года преподает латынь в школе. В следующем году Хаусмен проходит экзамены в Оксфорде, получая низший балл.

Джексон оканчивает Оксфорд с отличием и поступает на службу в Королевское патентное бюро в Лондоне. В 1882 г. Хаусмена принимают в то же учреждение, где он работает в течение десяти лет, одновременно штудировав античных авторов. В 1882 г. *Journal of Philology* публикует первую научную работу Хаусмена *Horatiana*. В 1883 – 1885 гг. Хаусмен

живет на квартире вместе с Мозесом Джексоном и его братом Адальбертом. После отъезда Мозеса в Индию в 1887 г. Хаусмен живет затворником. Его статьи о текстах Горация, Эсхила, Проперция и Овидия выходят в ведущих филологических журналах; он переводит на английский Горация и Овидия. Критикуя работы коллег, Хаусмен выбирает личный, предельно ядовитый и беспощадный тон; исключения редки и относятся, как правило, к ученым прошлого. Пьеса Стоппарда щедро цитирует полемику Хаусмена. Отметим, что в ряду жертв Хаусмена – элита английской классической филологии: Джоунгт, Джебб, Эллис, Лидделл, Постгейт. Несмотря на свирепость оценок, охват материала и точность наблюдений в работах Хаусмена приносят ему славу лучшего британского ученого-классика. В 1892 г. Хаусмен участвует в конкурсе на место профессора латыни в Лондонском университетском колледже. Академическая репутация Хаусмена перевешивает недостатки его кандидатуры – отсутствие ученых степеней и преподавательского опыта, и после десятилетнего перерыва Хаусмен возвращается в академическую среду.

В 1895 г. Оскару Уайльду, не скрывавшему своих гомосексуальных связей, было предъявлено обвинение в «непристойных деяниях». Рассчитывая отстоять в суде свои убеждения, Уайльд отказывается бежать из страны, и в результате громкого процесса суд приговаривает его к двум годам каторжных работ. Хаусмен, обозначивший свое возму-

щение судом в дневниковых записях, отреагировал на события своим первым поэтическим сборником «Шропширский парень» (*A Shropshire Lad*, 1896). Изданная на средства автора, книга вскоре получила широкое признание: стихи Хаусмена заучивали наизусть, переписывали в альбомы, а графство Шропшир, избранное Хаусменом в качестве места действия, стало объектом массового паломничества.

Популярность поэзии Хаусмена была особенно высока в период Первой мировой войны; многие из его произведений и сегодня считаются хрестоматийными. Позднее вышли поэтические сборники Хаусмена *Last Poems* (1922), *More Poems* (1936).

В годы работы в Лондонском университетском колледже и – с 1911 г. – в Кембридже Хаусмен публикует пятитомное издание поэмы *Astronomica* Манилия (1903-1930), издания Ювенала (1905), Овидия (1920) и Лукана (1926), пишет статьи о текстах Катулла, Овидия, Платона, Марциала, Цицерона, Лукреция и др., рецензирует труды других ученых. По воспоминаниям студентов, в роли преподавателя Хаусмен устрашал студентов жесткостью характеристик и оценок, но «пылкостью вдохновлял интерес к изучаемому предмету». Его авторитет в области классической филологии становится непререкаемым и, подобно Виламовицу в XIX в., Хаусмена называют лучшим филологом-классиком XX века. Инаугурационная лекция Хаусмена по случаю избрания профессором латинского языка в Кембриджском универси-

тете (1911) суммирует взгляды ученого на изучение классических текстов. Хаусмен предостерегает от двух методологических опасностей – слияния филологии с литературной критикой и слияния филологии с точными науками. О первом он говорит:

«Литература настолько чужда науке, что литературный пыл несет в себе угрозу, которую ученый должен быть готов предотвратить. Цель науки – открывать истину, в то время как цель литературы – приносить наслаждение; и две эти цели не только различны, но и несовместимы <...>»

Противоположную крайность – формализацию филологии по образцу математики – Хаусмен считает пороком академической среды в Германии.

«<...> Но анализ и интерпретация классических текстов – не точная наука; и принимать их за таковую было бы ошибкой. Предмет филологии – в последовательности явлений, порожденных игрой человеческого разума; и если вы желаете собрать эти явления воедино и воссоздать прежние условия, которыми они были вызваны к жизни, то вам в последнюю очередь следует обращаться к математику; обратитесь уж лучше к крысолову. Имея дело с изменчивым и ускользающим, вы не сможете воспользоваться избитым методом; для текучей материи жесткие правила суть неверные правила».

В 1897 г. Хаусмен путешествует по Италии, впервые покинув пределы Великобритании. Позже поездки в Европу становятся ежегодными. Мозес Джексон, переехавший с семьей из Индии в Канаду, умер в 1922 г. В преддверии этой смерти Хаусмен ускорил издание сборника *Last Poems*, чтобы Джексон успел прочесть книгу.

Достигнув высшего признания в двух различных качествах – ученого и литератора, Хаусмен решительно отказывается от почестей и наград. Его жизнь на протяжении многих десятилетий одинока и несчастлива, о чем свидетельствуют его редкие письма родственникам и друзьям. Хаусмен умирает в кембриджской лечебнице от пневмонии в 1936 г. Два собрания неопубликованных стихотворений *Additional Poems* (1937) и *Collected Poems* (1939) были изданы посмертно при содействии брата, известного писателя и иллюстратора Лоренса Хаусмена. Статьи по классической филологии собраны в трехтомнике *The Classical Papers of A. E. Housman* (1972).

Комментарий, прилагаемый к переводу «Изобретения любви», основывается на Драматургическом глоссарии Риан и Шульц (Carrie Ryan, Emily Viscardi Shooltz, *Invention of Love: Dramaturgical Glossary*). За содействие в работе над комментарием мы благодарим Анастасию Архипову, Александра Потемкина, Андрея Устинова и анонимно-

го рецензента, предоставленного издательским домом Peters Fraser amp; Dunlop Group. Неоценимая помощь в подготовке перевода и комментария оказана Михаилом Гаспаровым.

Переводчик посвящает работу *памяти* отца, Бориса Купермана (1933 – 2002).

*Виктор Куперман,
Екатерина Неклюдова*